

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ

ТОМ 1

Обольщение властью.
Русские и немцы
в Первой и Второй мировых войнах

Под редакцией
Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт

Москва

АИРО-XXI

2010

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ над немцами СССР в годы германо-советской войны¹

Инструментализация российских немцев в целях военной пропаганды

После нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 года Сталин какое-то время верил в то, что на противника можно идеологически повлиять с помощью лозунгов о классовой борьбе. В этом пропагандистском сценарии, опиравшемся на представления о международной солидарности рабочих и крестьян, важную роль должны были сыграть, прежде всего, поволжские немцы². В первые недели войны в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП) состоялся целый ряд антифашистских митингов, в которых приняло участие почти все взрослое немецкое население. Они принимали обращения к солдатам вермахта, к рабочим, крестьянам и другим «трудящимся» слоям страны-агрессора. Эти обращения сразу же отсылались партийному руководству в Москве. Они появлялись в советских газетах и листовках. В радиопередачах они также использовались в целях пропаганды против ведущей войну Германии. В качестве примера может служить сообщение из республики немцев Поволжья, опубликованное в «Правде» 15 июля 1941 года:

В дни отечественной войны трудящиеся Республики Немцев Поволжья живут единими чувствами со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют все свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей германский народ, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма. [...] Мы знаем, что мы защищаем. Из отсталой, угнетенной колонии русского царизма наша область превратилась в свободную, цветущую социалистическую республику, организаторами которой были великие люди – Ленин и Сталин. Невиданными темпами идет рост культуры в нашей республике. [...] Только при советской власти мы освободились от нищеты, голода и политического бесправия. Все это хочет отнять у нас кровожадный Гитлер. Это ему никогда не удастся. [...] Мы живем одной мыслью – скорее разгромить и окончательно уничтожить бешенный германский фашизм. [...] Мы обращаемся к вам, трудящимся крестьянам Германии, угнетенным и поработившим гитлеровскими бандами, с призывом: Братья! Освобождайтесь от рабства фашистских людоедов! Объединяйтесь с рабочими для совместной борьбы против общего врага! Поверните оружие против банды гитлеровских убийц! Наше дело правое! [...] Победа будет за нами!³

Подобные сообщения и статьи появлялись в июле и августе 1941 г. во многих советских центральных газетах.⁴ Эти публикации были призваны сигнализировать о том,

что необходимо отличать фашистов как врагов и простых трудящихся немцев, вне зависимости от того, в какой стране они живут, и что интернациональная солидарность трудящихся людей продолжает существовать. Правда такая схематическая агитация, зачастую пеходящая в необузданную ругань, не достигала желаемого воздействия на солдат вермахта и население Рейха. Одновременно во время войны можно проследить другую, не такую публичную и открыто демонстрировавшуюся линию. В сообщениях о положении в оккупированных областях, исходивших от первого управления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), регулярно всплывали примеры сотрудничества местных немцев с врагом. На примере следующего факта видна предвзятость составителей сообщений при оценке таких случаев: в то время как сотрудничество с захватчиком со стороны русских и украинцев объяснялось социальными, профессиональными или специфическими классовыми причинами, а также представлялось как результат провокаций противника, коллаборационизм местных немцев сводился исключительно к их национальности⁵. У причерноморских немцев, оккупационные власти регистрировали следующие настроения:

...политическое сознание и способность к критическим оценкам у большинства развиты плохо и ограничиваются глухой ненавистью к советской власти⁶.

Правда, в данном случае нельзя отделять следствие от причины. Сразу же после октябрьской революции 1917 г. большевики рассматривали немецкое меньшинство как «ненадежных кантонистов». Особенно сильно от конфискации, голода и различных репрессий в 20-е и 30-е гг пострадали немцы на Украине⁷. Без учета многолетнего подавления и террора со стороны советской системы или ее носителей и вызванного этим крайней степенью разочарования и ожесточения, нельзя взвешенно оценивать отношение многих причерноморских немцев к советскому государству и их поведение во время румынской и германской оккупации.

С первого дня войны советские военнослужащие немецкого происхождения столкнулись со скрытым или уже открыто выразившимся недоверием со стороны товарищей и командиров, считавших их ненадежными. Директива министерства обороны № 002367 от 30 июня 1941 г. предписывала увольнение всех «не заслуживающих доверия» военнослужащих из боевых частей. Это распоряжение, носившее общий характер, во многих местах стало поводом для того чтобы «очистить» воинские части от солдат и офицеров – российских немцев⁸.

Накануне военного конфликта с гитлеровской Германией не только среди рядовых солдат, но и в головах политического руководства царили «романтические» представления о будущей войне – как о «борьбе против помещиков и капиталистов», в которой советские вооруженные силы будут восторженно встречены «трудящимися массами», а пролетарии в солдатской форме будут массово переходить на сторону Красной Армии⁹. Советская военная доктрина, носившая наступательный характер, согласно которой противника предполагалось уничтожать на его территории «малой кровью, могучим ударом», находилась в разительном противоречии с жестокой реальностью: сотни тысяч красноармейцев погибли, попали в плен или перешли к немцам; линия фронта отодвинулась на сотни километров вглубь страны. Кроме того, на оккупированных территориях можно было наблюдать бесчисленное множество случаев коллаборационизма. Агитация и пропаганда, проводившаяся советским руководством в

первые недели войны, оказалась неэффективной, как для мобилизации советских народов, включая русский, так и как средство влияния на врага. Во время своей встречи с представителем президента США по особым поручениям Уильямом Авереллом Харриманом в конце сентября 1941 г. Сталин вынужден был признать:

Мы знаем, что народ не хочет воевать за мировую революцию; он не будет воевать и за советскую власть [...]. Пожалуй, за Россию он будет воевать¹⁰.

После первых неудачных попыток повлиять на надвигающегося противника при помощи лозунгов классовой борьбы и международной солидарности рабочих и крестьян, официальная пропаганда быстро перешла к безудержному использованию тирад, пробуждавших ненависть и ужас. «Немец» и «фашист» все больше превращались в синонимы, что имело фатальные последствия для российских немцев. Реализации этого поворота мешала автономная республика немцев Поволжья с ее – пусть даже и формальными – конституционными правами, с депутатами Верховного Совета СССР и Российской Федерации и сотрудниками государственного и партийного аппарата. Для «тотальной пропагандистской войны» с ее риторикой, характеризовавшей солдат вермахта и всех немцев в целом как «двуногих зверей», «людоедов» и «бешеных псов»¹¹, существование признанного «советского» немецкого меньшинства с записанными в конституции автономными правами представляло собой досадную помеху. С точки зрения сталинского руководства учет потребностей и чувств российских немцев приносил гораздо меньше пользы, чем ничем не сдерживавшееся распространение ненависти к немцам. Тем самым была решена судьба республики немцев Поволжья, а также всего народа. Российские немцы стали жертвами борьбы против гитлеровской Германии в совокупности с «высокими» целями патриотической мобилизации русского и других народов Советского Союза.

Депортация и влияние германофобской пропаганды на российских немцев

26 августа 1941 г. Сталин и его ближайшее окружение приняло решение о высылке поволжских немцев, которое было оформлено как директива ЦК партии и правительства. Так как эта строго секретная директива была направлена лишь немногим посвященным, которые знали о действительной причине депортации, в документе отсутствовало всякое указание на вину немцев. Резолюция, состоявшая из 19 статей, написанных подчеркнuto официальным языком, производит впечатление инструкции по проведению планового переселения:

Совет Народных Комиссаров Союза СССР и ЦК ВКП (б) постановляют: 1. Переселить всех немцев из Республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской областей общей численностью 479.841 человек...

Районами размещения переселенцев должны были стать Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская области, а также Казахстан. Отвечало за проведение всего мероприятия НКВД; другие вовлеченные инстанции получили на этот счет детальные инструкции¹².

Тайно принятое решение партии и правительства о ликвидации национальной республики, существование которой было закреплено в советской конституции, требовало все же хотя бы чисто формального «освящения» со стороны высшей государственной власти. Поэтому два дня спустя глава советского государства Михаил Калинин подписал от имени Президиума Верховного Совета СССР Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», что должно было придать всему мероприятию законное основание. Следующим декретом, принятым 7 сентября 1941 г., были предписаны разделение территории республики немцев Поволжья и передача ее сопредельным Саратовской и Сталинградской областям. Оба этих распоряжения были опубликованы в «Ведомостях Верховного Совета СССР» и в местной прессе. В отличие от решения партии и правительства для «внутреннего употребления», в декрете от 28 августа содержалось тяжелое обвинение немцев в коллаборационизме с врагом:

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти¹³.

На основании этих обвинений российские немцы были объявлены врагами советского государства и «переселены» в восточные области страны. Депортация остального немецкого населения из европейской части Советского Союза проводилась в течение последующих недель и месяцев на основе тайных приказов Государственного Комитета Оборонв (ГКО), Совета Народных Комиссаров (СНК), народного комиссариата внутренних дел, а также военных советов фронтов и, в целом, была завершена до конца года¹⁴.

9 сентября 1941 г. Серов, руководитель «немецкой» операции и заместитель комиссара внутренних дел, сообщал своему шефу Берии, что к этому времени были разоблачены четыре (!) агента немецкой шпионской службы. Кроме таких гротескных и странных фактов «антисоветской» деятельности как разорванные портреты советских руководителей или разоренные частные сады и фруктовые посадки, генерал НКВД не смог обнаружить в республике немцев Поволжья никаких фактов вредительства¹⁵. Это, однако, не помешало органам безопасности, выполнявшим указание большевистского руководства, задним числом приписать депортированным немцам наличие «тысяч» изменников родины. Из подробного отчета НКВД, датированного декабром 1948 г., следует, что в 1941-42 гг. были «выселены» 806 533 немцев – советских граждан. Из них до 1 января 1942 г. были высланы в Казахстан и Сибирь 799 459 человек¹⁶.

Августовский декрет не упоминался в прессе, опубликованных законодательных сборниках или в научной литературе ни в годы войны, ни после нее; исключения составляют лишь труднодоступные «Ведомости Верховного Совета СССР»¹⁷. Режим не хотел публичного позора, который был неизбежным, если бы пришлось признать, что, несмотря на многолетнее идеологическое воздействие, целый народ превратился во

врагов Советского союза. Непостижимые утверждения о «десятках тысяч шпионов и диверсантов» среди немцев тоже не были убедительными. Поэтому многочисленные партийные и советские функционеры центральных учреждений и в местах ссылки получили сообщения о «причинах» ликвидации республики немцев Поволжья. «Директивное» письмо ЦК коммунистической партии Казахстана ведущим функционерам в областях и районах республики, датированное 4 октября 1941 г., повторяло утверждение августовского декрета и призывало партийные организации к усилению защиты социалистической собственности, повышенной бдительности и постоянному наблюдению за прибывающими «переселенцами»¹⁸.

Благодаря устной пропаганде широкие слои советского населения узнали о «политической» неблагонадежности их новых соседей. Путем косвенной дискредитации большевистское руководство пыталось сохранить собственную репутацию и продолжить беспрепятственно восхвалять «равноправную семью советских народов» и при этом страстно клеймить политику «национального угнетения» фашистской Германии¹⁹. С другой стороны, массовое поражение в правах и клевета на советских граждан-немцев обнажило тот факт, что пропаганда национальной ненависти, шовинистические высказывания и любой способ ущемления немцев не будет наказываться. «Много у нас к этой фашистской сволочи гуманизма»- такой взгляд на ссыльных немцев был типичен не только для секретаря райкома из одной области северного Казахстана²⁰.

Растущая антипатия и ожесточение против немцев, против немецкой культуры и языка постоянно нарастали в ходе войны, которая требовала как человеческих, так и материальных жертв. Гигантский советский пропагандистский аппарат инструментализировал и сознательно подогревал эти настроения. В начале 1942 г. под заголовком «Немецкие зверства» появились изданные большим тиражом сборники. При этом советские пропагандисты могли поучиться у опытных предшественников, так как уже в 1914 и 1915 гг. под такими же названиями выходили аналогичные пасквили²¹. Требованием момента стала повышенная бдительность по отношению к вражеским шпионам, диверсантам, агентам и разного рода вредителям. Отношение к собственному немецкому населению получило вскоре «научное» обоснование. В 1942 г. Центральное архивное управление НКВД издало сборник документов о немецком шпионаже в царской России. В обширном предисловии, которое вскоре появилось большим тиражом как отдельное издание, составители – майор госбезопасности Никитинский и историк Софинов – охарактеризовали немецких поселенцев как важную опору германской разведки²². Александр Дементьев, будущий литературовед, в начале 1943 г. издал книгу «Реакционная роль немцев в истории России». Она вышла в Ленинграде во время блокады (!) тиражом в 10.000 экземпляров. Год спустя тот же автор, снабдив недоброжелательными комментариями, опубликовал тщательно подобранные фрагменты произведений классической русской литературы, в которых «свои» немцы представляли в самом неприглядном виде. Эти вышеназванные публикации, следовавшие концептуально образцам антисемитских подстрекательских статей, были напичканы предубеждениями, подозрениями и измышлениями различного рода²³.

Другие статьи в листовках и газетах, книгах и журналах, радиопередачи и фильмы, в которых подогревались агрессивные настроения против немцев (а не против врагов или фашистов), заметно отравляли отношение соседних народов к данному национальному

меньшинству, тем более, что советские властные органы не желали видеть разницы между фашистскими захватчиками и советскими гражданами немецкого происхождения. Даже убежденные сталинисты среди немецкой и австрийской политэмиграции отмечали быстро нараставшую враждебность в широких слоях советского населения по отношению к немцам и чужим в целом²⁴. Сообщения органов НКВД на местах отражают шаткое положение российских немцев:

Отношение к трудовому потенциалу и другому устройству спецпереселенцев со стороны ряда руководителей хозорганизаций, колхозов и предприятий, а так же районных советско-партийных организаций крайне ненормальное и зачастую эти отношения сводятся к явному антогонизму... [...] В Тасеевской районе директор сользавода тов. Чебурашкин вместо принятия мер к устройству немцев-переселенцев относится к ним грубо, называя «паразитами» и другими нецензурными словами. [...] В Шарыповском районе председатель колхоза «Пролетарский труд» Комисаренко в разговоре об обеспечении хлебом спецпереселенцев заявил: «Пусть все немцы здесь подохнут с голода, а хлеб им не дам...» [...] Колхозница Чурилова, работая вместе с немкой Шмидт, заявила ей: «Зачем вас переселили в наш район, надо было на месте прибить, вы изменники Родины, вас надо с голоду уморить или выгнать на мороз, чтобы вы – фашисты, почувствовали.» [...] Из числа 7.396 человек детей, подлежащих обучению в 29 районах, охвачено учебой только 2.403 человек. Такое положение объясняется тем, что большинство детей не имеют теплой одежды и обуви, а так же школьных принадлежностей. Кроме того, дети в возрасте старше 12 лет не учатся по причине работы в своих хозяйствах и по найму, а также вследствие незнания русского языка. [...] В ряде районов отмечены факты, когда русские ученики немецких детей терроризируют, называя «фашистскими», в результате чего последние прекращают посещение школ²⁵.

О подобных случаях сообщали органы безопасности и из других областей, куда прибыли депортированные. И все же ответственные партийные и государственные органы не видели повода предпринимать контрмеры перед лицом таких тяжких нарушений действовавшего советского законодательства. Напротив, жалобы на дискриминацию по национальному принципу нередко рассматривались как антисоветская агитация и пропаганда, как клевета на мероприятия партии и правительства и преследовались в соответствии с уголовным кодексом. Это приводило к сильному разочарованию; отмечались следующие высказывания:

...Ибо если останется Соввласть и пока она будет существовать, нам жизни не будет. На наших детей пальцем будут показывать дети погибших на фронте, что через вас погибли наши отцы. Разве это будет жизнь!²⁶

Отправка в исправительно-трудовые лагеря и карательная политика

Следующей ступенью лишения гражданских прав немецкого меньшинства была отправка почти всего взрослого населения в трудовые лагеря. Официально это обозначалось как «мобилизация в рабочие колонны и строительные батальоны». Секретным решением Политбюро ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории

Украинской ССР» все мужчины, в возрасте от 16 до 60 лет проживавшие на территории Днепропетровской, Ворошиловградской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской и Черниговской областей мобилизовывались в строительные батальоны²⁷. Уже 3 сентября 1941 г. заместитель руководителя НКВД Василий Чернышев сообщил о создании 13 батальонов общей численностью 18.600 человек. Они были направлены в четыре уже существовавших лагеря на Урале и в Казахстане: Ивдельлаг²⁸ и Богословлаг²⁹ находились в Свердловской области. Соликамскбумлаг в Молотовской (Пермской) области отвечал за строительство бумажной и пороховой фабрик, а Кимперсайлаг (Актюбинсклаг) в Актюбинской области Казахстана был образован для строительства феррохромкомбината³⁰.

8 сентября 1941 г. Сталин подписал директиву № 35105 Народного комиссара обороны, которая среди прочего предписывала «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии, как на фронте, так и в тылу всех военнотрудовых рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные части». Только некоторые представители немецкой национальности смогли благодаря заступничеству их начальников остаться в прежних частях. Тем самым была заложена основа так называемой «трудовой армии», которая в действительности была лагерной системой принудительного труда³¹.

Массовый призыв мужчин в возрасте от 17 до 50 лет сборными пунктами (райвоенкоматами) Народного комиссариата обороны (НКО) и их подчинение НКВД последовало в результате строго секретных приказов ГКО от 10 января и 14 февраля 1942 г.³² Согласно внутреннему распоряжению по ГУЛАГу от 5 июня 1942 г. «независимо от звания в Красной Армии, состояния в запасе, партийной принадлежности, выборных партийных и советских должностей и т.п. – все немцы, по постановлению Государственного Комитета Обороны, мобилизованы в рабочие колонны на время войны»³³. Поэтому в лагере находились как депутаты Верховного Совета СССР или РСФСР, бывшие министры, партийные и советские функционеры, профессора и доценты, писатели и врачи, учителя и инженеры, офицеры и судьи, так и простые рабочие и крестьяне. Подобная же судьба ожидала почти 50 000 финнов, венгров, румын, итальянцев и других «граждан СССР национальностей воюющих с Советским Союзом стран». Предписания соответствующих постановлений становились более жесткими по мере ухудшения военного положения Советского Союза. 7 октября 1942 г. ГКО издал следующее постановление, на этот раз касавшийся только немцев. Согласно ему все мужчины в возрасте от 16 до 16 и от 50 до 55 лет, а также женщины от 16 до 45 лет были изымались райвоенкоматами НКО (!) для принудительных работ на время войны. Никакая другая национальная группа в Советском Союзе не пережила такого массового призыва девушек и женщин, молодежи и пожилых людей³⁴.

В целом не менее 350.000 российских немцев были призваны на принудительные работы, хотя точное число неизвестно до сегодняшнего дня. Их «применение» находилось в ведении существовавшей с 1923 г. системы исправительных и трудовых лагерей ГУЛАГа³⁵. Там немцы использовались на тяжелых физических работах при строительстве стратегически важных объектов, таких как железные дороги, фабрики и заводы цветной и черной металлургии, на добыче угля и нефти, для заготовки леса и других хозяйственных работах. Правовой статус этих принудительных рабочих был чем-

то средним между лагерным заключенным и строительным рабочим в военной отрасли, причем признаки первого доминировали. Начальник ГУЛАГа, генерал-лейтенант Виктор Наседкин не случайно отметил, что «мобилизованные являлись новыми для ГУЛАГа контингентами», поэтому были разработаны особые «положения, предусматривающие вопросы правового порядка, организации и трудового использования»³⁶. В местах содержания они были изолированы от местного населения и других заключенных, размещены в зонах, окруженных колючей проволокой и охранявшихся военными, и обеспечивались по нормам пищевого и бытового снабжения ГУЛАГа. Однако эти принудительные рабочие (их называли тогда для маскировки «мобилизованными немцами» или «трудоармейцами») не отражались в статистике ГУЛАГа.

В первые месяцы после депортации органы безопасности располагали ограниченными возможностями для проведения систематического террора по отношению к «переселенцам», рассеянным по огромной территории Сибири и Казахстана³⁷. Это положение радикально изменилось в связи с рекрутированием взрослых немцев и их концентрацией в трудовых лагерях. Представителем органов безопасности в лагере был пресловутый «оперативно-чекистский отдел» (ОЧО или оперчасть). Он создавал скрыто действовавшую сеть осведомителей среди лагерного контингента, которая должна была предупреждать случаи саботажа работ, воровство и «бандитизм» среди заключенных, срывать попытки бегства и выявлять любую форму «вражеской деятельности». Хотя они были частью лагерной администрации, представители оперчасти действовали автономно и подчинялись территориальному управлению НКВД и оперативному управлению центрального ведомства ГУЛАГа³⁸.

С точки зрения «компетентных органов», немцы представляли собой идеальное поле деятельности, так как среди них без больших усилий и изобретательности можно было «разоблачать» заговоры, контрреволюционные организации или террористические акты или «изобличать» отдельных лиц во вредительстве или антисоветской агитации. Имелось множество «наказуемых» деяний, которые могли вменяться практически каждому и привести к приговору: наличие родственников за пределами СССР, участие в крестьянских восстаниях, сотрудничество с частями рейхсвера в 1918 г. или служба в «белой» армии, контакты с германским посольством или консульскими представительствами, попытки выезда в 1920-е гг. или в начале 1930-х гг., получение продуктов питания или переводов из-за границы, контакты с немецкими или австрийскими эмигрантами, родственные связи с депортированными кулаками, участие в католических или лютеранских богослужениях. Из-за огульных обвинений в сотрудничестве с врагом даже самые верные и преданные сталинисты среди немцев оказались в полной растерянности. Новое положение казалось им особенно невыносимым, и для многих из них «ленинская» критика Указа о ликвидации республики немцев Поволжья от 28 августа 1941 г. и обстоятельств содержания в трудовых лагерях имела роковые последствия. Не избежали преследований и бывшие функционеры из поволжских немцев: для оправдания государственного произвола часть из них подверглась показательному наказанию.

23 марта 1942 г. руководитель оперативного отдела ГУЛАГа Яков Иорш издал приказ, в котором обращал внимание руководителей оперативно-чекистских отделов в отдельных лагерях на то, что, по данным НКВД, среди мобилизованных находились много лиц, которые шпионят в пользу Германии. После отправки в лагерь они проводят активную деятельность по сбору информации, поэтому среди них как можно скорее необходимо

БАКАЛ МЕТАЛЛУРГИСТРОЙ . 1942.

Российские немцы – трудармейцы: на необжитом месте недалеко от города Челябинск, где зимой 1942 г. начали строить металлургический завод (Из фондов ОГАЧО)

завербовать достаточное количество тайных информантов³⁹. Два года спустя среди принудительных рабочих уже существовала плотная сеть агентов: к 1 июля 1944 г. на 227.000 немцев приходилось 6.240 резидентов и осведомителей, что означало – один доносчик на 36 человек!⁴⁰ Первые «успехи» этого и подобного приказов обобщил майор госбезопасности Иорш в докладной записке «О результатах чекистской работы среди мобилизованных немцев в исправительно-трудовых лагерях НКВД»:

В течении 1942 года среди работающих в исправительно-трудовых лагерях НКВД трудмобилизованных немцев, вскрыт и ликвидирован ряд контрреволюционных организаций и групп, участники которых готовили организованные выступления трудмобилизованных немцев и содержащихся в лагерях заключенных, вооруженные побеги из лагере с целью оказания помощи германо-фашистским войскам. В 15 исправительно-трудовых лагерях, в которых работают мобилизованные немцы, вскрыто 60 контрреволюционных организаций и групп, привлечено к уголовной ответственности по данным на 1.11.1942 около 3.000 немцев⁴¹.

Далее в документе говорилось о важнейших делах. Некоторые из них могли бы послужить сценарием для приключенческого фильма, если бы мы не знали о серьезности такого рода обвинений. Так одна «контрреволюционная группа трудармейцев» намеревалась при строительстве железной дороги Свияжск-Ульяновск поднять восстание среди немцев и разоружить конвой. После этого восставшие должны были при помощи самолетов (!) с близлежащего аэродрома установить контакт с войсками вермахта. За этот полет фантазии «расплатились» 61 человек. Нужно только представить себе: полуголодные крестьяне с голыми руками нападают на своих конвоиров, находят дюжину самолетов и, без проблем управляя ими, летят навстречу германским войскам. Бессмысленность этой акции не бросилась в глаза ни усердным офицерам, проводившим следствие, ни их московскому руководству. Майор Иорш заключил свой доклад следующими словами:

На основе опыта чекистской работы среди мобилизованных немцев, Оперативным отделом ГУЛАГа НКВД СССР разрабатываются ориентировка и практические указания начальникам Оперчекистских отделов по улучшению этой работы⁴².

Терроризирование мобилизованных служило нескольким целям: во-первых, оно было важным средством их запугивания и подчинения; так как карательная политика была направлена прежде всего против интеллигенции, специалистов, бывших функционеров и хозяйственных руководителей, то устранение национальной элиты должно было превратить немцев в легко управляемую толпу. Во-вторых, необходимо было предоставить доказательства, что в бывшей республике немцев Поволжья имелись шпионы и диверсанты. В конечном итоге, численность осужденных лиц или раскрытых контрреволюционных организаций должна была гарантировать существование отдельного сотрудника госбезопасности и уберечь его от отправки на фронт, а так как каждый немец считался потенциальным злоумышленником, то для заведения дела достаточно было высказать малейшее сомнение в причинах депортации. Таким способом все немецкое население СССР было превращено в преступников.

Конструирование политических уголовных процессов

В дальнейшем описывается механизм конструирования государственных преступлений на основе показательных уголовных дел⁴³. Прежде всего укажем на особенности данного рода первоисточников. Согласно решения ГКО № 903 от 17 ноября 1941 г., Особому Совещанию (ОСО) при Наркоме внутренних дел (ВД) были переданы полномочия в случаях совершения преступлений, предусмотренных § 58 и 59 (контрреволюционные и особо опасных для СССР преступления против порядка управления) Уголовного Кодекса РСФСР выносить окончательные приговоры вплоть до смертной казни без права на обжалование⁴⁴. Пять дней спустя нарком внутренних дел Берия уточнил в приказе № 001613 предыдущее решение ГКО. В соответствии с ним все подлежащие рассмотрению ОСО случаи должны были производиться «в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса», а обвинительное заключение для каждого обвиняемого должно было предусматривать такое наказание, которое НКВД считало «целесообразным»⁴⁵. Этот приказ был причиной того, что внешне документы создавали впечатление тщательного проведения следствия: подписанные прокурором ордера на арест, протоколы допросов с соответствующими подписями, свидетельские показания, обвинительные заключения и т.д. В конечном итоге донесение о совершенном преступлении, следственные действия, вынесение обвинения и обоснование приговора оказывались в руках одного ведомства. Так как публичное слушание дел с участием защиты отсутствовало, то органы политического сыска имели самые широкие возможности для произвола.

С течением времени следственные дела многократно перегруппировывались, получали гриф «строго секретно» (сообщения осведомителей и агентов, различные внутренние инструкции и служебные распоряжения для сотрудников и т.д.). Об этом свидетельствует и неоднократно проводившаяся перенумерация страниц в делах. Протоколы допросов обвиняемых или свидетелей необходимо использовать с большой осторожностью, так как они нередко составлялись самими офицерами госбезопасности, проводившими следствие, и полны фальшивыми или ложно приписанными высказываниями. Часто подследственного принуждали подписать протокол или «собственноручное» признание под пытками.

Особенно ревностно выполняли предписания чекисты Бакаллага (Челябметаллургстроя). Их деятельность имела «успех», они смогли «разоблачить» среди мобилизованных немцев не одну повстанческую и антисоветскую организации. По неполным данным, в 1942 г. здесь были арестованы по меньшей мере 1.403 человека и большинство из них осудили⁴⁶. Десятки напечатанных крупным шрифтом приказов с именами расстрелянных или приговоренных к многолетним заключениям немцев, за подписью начальника Управления лагеря Александра Комаровского, «украшали» лагерную зону и вселяли в узников панический страх. Это и сегодня можно почувствовать при чтении свидетельств бывших «трудармейцев»⁴⁷.

В конце апреля – начале мая 1942 г. все сотрудники госбезопасности (около 40 человек) Челябинского металлургического завода (ЧМЗ) НКВД были приглашены на совещание с представителем центрального управления из Москвы. Там обратили их внимание на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., в котором говорилось о тысячах и десятках тысяч шпионов и диверсантов среди немцев. Учитывая то обстоятельство, что взрослые мужчины направлены в лагерь ГУЛАГа, чекисты должны были этих «шпионов и диверсантов» разоблачить и обезвредить⁴⁸. Можно предположить, что подобные совещания состоялись и в других лагерях. По аналогии с известными судебными процессами 30-х гг. за каждой «разоблаченной» антигосударственной деятельностью стояла якобы иерархически организованная организация, которая имела управлявший ею «центр», откуда исходили директивы по осуществлению вредительской работы, саботажа или террористических актов. Потенциальных руководителей такого «центра», осуществлявшего, подобно генеральному штабу, «предательскую деятельность», необходимо было искать прежде всего среди высших руководящих работников республики немцев Поволжья. Это представление существенно повлияло на поведение и образ мыслей представителей госбезопасности, хотя надлежащие конкретные указания центральных учреждений до сих пор находятся на спецхранении, а в соответствующих следственных делах можно найти лишь косвенные указания на этот факт⁴⁹.

Один из «показательных процессов» состоялся в июле-сентябре 1942 г. Госбезопасность следила за окружением Якова Мюллера, бывшего первого секретаря ВКП(б) кантона Краснояр в АССР НП⁵⁰. Многие ведущие функционеры этого кантона находились на Челябинском металлургическом заводе НКВД, что значительно облегчало конструирование «нелегальной фашистской организации», как в бывшей республике, так и в исправительно-трудовом лагере. Сначала собирался компрометирующий материал, так как процесс должен был, согласно инструкциям, проходить в соответствии с действующим уголовно-процессуальным кодексом. В реальности же было достаточно, чтобы какой-нибудь доносчик или узник сообщил о высказываниях, которые могли бы следователем рассматриваться как уголовно наказуемые. В конечном итоге лейтенант госбезопасности Израиль Зеликов вынудил арестованного ранее мобилизованного Александра Симона дать соответствующие «показания». Вскоре после своего водворения в лагерь Мюллер якобы возмущенно говорил:

Я не понимаю, как Советская власть могла допустить такое варварское отношение к нам - немцам. Я коммунист, а попал в заключение.

Далее подвергнутый давлению Симон обвинил Якова Мюллера в том, что в лагере он стал руководителем контрреволюционной группы, готовившей восстание⁵¹.

Тем самым судьба Мюллера была решена. Лейтенант Зеликов распорядился о его аресте. В обосновании, написанном канцелярским русским языком безапелляционно утверждалось:

Мюллер Я.Я. является руководителем контрреволюционной повстанческой организации, ставившей перед собой задачу подготовить вооруженное восстание против Советской власти с целью перехода на сторону немецко-фашистских войск⁵².

Так как обвиняемый уже находился за колючей проволокой, а о проведении суда по всем правилам не могло быть и речи, то обоснование заключения под стражу звучало просто гротескно: «...принимая во внимание, что Мюллер Я.Я., находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда». Здесь явно сказывалась вся фальшь официальных утверждений о статусе российских немцев как мобилизованных, так как в действительности они практически ничем не отличались от заключенных.

Из вышесказанного становится очевидным, что собственно задача тех, кто проводил следствие, состояла не в том, чтобы выяснить, как в действительности обстояло дело, а в том, чтобы подвести базу под выдуманные обвинения при помощи признаний людей, избранных жертвами произвола. Но в данном случае сотрудники НКВД не собирались довольствоваться одной «лишь» контрреволюционной организацией в лагере. Для верного коммуниста Мюллера был предусмотрен дополнительный сценарий: он и другие, проходившие по этому делу фигуранты, должны были создать «доказуемую» базу, оправдывающую ликвидацию республики немцев Поволжья.

Можно представить, при помощи каких ужасных методов добились того, что 28 июня 1942 г., спустя один день после ареста, Мюллер в ходе многочасового допроса признался, что еще в 1934 г. во время учебы в Энгельсе, он был завербован в качестве «разведчика» неким Копачеком. Этот немецкий эмигрант Копачек, который в глазах чекистов, разумеется, был шпионом или агентом гестапо, якобы сказал, в 1934 г. что «немецкий народ во главе с Гитлером смоеет позорный Версальский договор и создаст великое немецкое государство». Мюллер должен был как немец сделать все для строительства великой Германии, на что он и согласился. Затем Копачек признался ему в том, что он – немецкий разведчик, и Мюллер получил задание войти в доверие к партийным и хозяйственным руководителям и законспирироваться до начала войны, так как Гитлер запланировал войну с СССР на 1941 год (!).

Так как Копачек был «разоблачен» как шпион уже в 1937 г., в деле появился еще один человек: Александр Баумгартнер, до 1939 г. – директор машинно-тракторной станции (МТС) в с. Красноя. Он служил в австрийской (по другим данным в германской) армии, и в 1915 или 1916 году попал в русский плен. Баумгартнер уже давно жил в республике немцев Поволжья и благодаря своей биографии был только что «выявлен» как «агент» немецкой разведки. Будучи влиятельным партийцем в кантоне, Баумгартнер способствовал карьере Мюллера вплоть до назначения его первым секретарем кантональной организации ВКП (б). За эту поддержку Мюллер должен был «расплачиваться» проведением «практической контрреволюционной шпионской деятельностью»: тормозить рост партийной организации, продвигать на руководящие посты в кантоне немецких «агентов» и сторонников, саботировать государственные

мероприятия, такие как поставки зерна и овощей, собирать информацию для целей шпионажа и др.

Далее Мюллер «признался» в том, что начиная с 1939 г. он завербовал 13 человек, среди которых были Георг Хааг, руководитель отдела в кантональном партийном комитете, а также Фридрих Бинеманн, директор маслобойки, и Каспар Армбристер, председатель Красноярского сельского совета. По этой простой схеме можно было бесконечно долго и произвольно увеличивать число немецких «агентов»: кто-нибудь – в нашем случае Баумгартнер – объявлялся шпионом и каждый его знакомый мог, как Мюллер, превратиться в «агента». Последний «рекрутировал» множество разведчиков, которые со своей стороны также продолжали вербовочную работу. При этих условиях можно было действительно доказать наличие упоминавшихся в Указе от 28 августа 1941 г. «тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов».

Для следственных органов работа не заканчивалась вместе с «признанием» шпионской деятельности. Необходимо было представить «крепкие» доказательства диверсионной деятельности обвиняемых. 4 августа 1942 г. в протоколе допроса Мюллера было записано:

В апреле месяце 1939 года ко мне в служебный кабинет пришел Баумгартнер и сказал, что по имеющимся у него заданиям реальность войны между Германией и СССР на 1941 год обеспечена и уже теперь необходимо начать вести вербовочную работу из основных изученных мною лиц, как основной костяк, которые должны будут создавать среди проживающих немцев в Красно-Ярском кантоне повстанческие группы, имеющие своей целью подготовить и осуществить вооруженное восстание в ходе войны между Германией и СССР. Это задание Баумгартнера я принял к исполнению.

Таким образом, получалась практически завершенная картина: здесь в Краснояре, как в каждом немецком кантоне, якобы существовала разветвленная контрреволюционная повстанческая организация с сотнями, если не тысячами членов. Во многих (или во всех, смотря по тому, какие цели преследовали люди из НКВД) колхозах, предприятиях и учреждениях были образованы ячейки, во главе которых стояли руководители организаций или другие руководящие работники. «Создание» такой повстанческой организации в колхозе «Ударник» в деревне Шталь происходило, например, таким образом: с ее председателем Крутчем Мюллер – согласно выбитым из него показаниям – вел «контрреволюционные» разговоры уже с 1935 г. и завербовал его в июне 1941 г. К началу войны председатель выразил в одном из разговоров надежду на то, что «Гитлер все делает по плану» и возможно «через через месяц-другой к нам придет». На это он, Мюллер, ответил:

Я так же верю в то, что немецкие войска придут к нам поволжским немцам и когда придут, спросят, что сделали для нас, для великой Германии и придется нам держать ответ. После этого замечания мне Круч сказал, что жители села Шталь давно настроены так, что дай им только оружие и они перейдут на сторону немецких войск. Я тогда сказал Кручу – настроение я сам знаю, вот надо это настроение направить правильно, подобрать группу смелых людей и вести усиленную подготовку к вооруженному восстанию. Круч выслушав меня, сказал: «Я с твоим мнением согласен и охотно начну по твоему указанию проводить контрреволюционную деятельность».

Наряду с Яковом Мюллером, который, в соответствии с советской иерархией, как первый партийный секретарь должен был находиться во главе нелегальной организации в этом кантоне (районе), к «руководящему органу» принадлежали и Владимир Гартман, который до сентября 1941 г. был председателем исполкома Краснояра, и Теодор Траутвейн, второй секретарь партийной организации кантона, отвечавший за кадровые вопросы⁵³. Правда их завербовал в шпионы и диверсанты не Мюллер, а «непосредственно» Баумгартнер. Гартман был арестован 7 августа 1942 г. и несколько дней упорно отказывался признавать выдвинутые против него обвинения. Как большинство других проходивших по этому делу обвиняемых он не смог противостоять огромному давлению и, как можно, предположить, физическим издевательствам со стороны офицеров НКВД. Протоколы допросов от 11, 18 и 26 августа содержат подробные описания обстоятельств его вербовки в агенты немецкой разведки в 1936 г. и о последовавшей за тем «вредительской работе» в кантоне. Мюллер, якобы, руководил текущей «контрреволюционной» деятельностью и с началом войны распорядился об образовании повстанческих групп в деревнях. Вплоть до ссылки Гартман вел активную деятельность и на вербовал для подготовки восстания множество руководящих работников – председателей местных советов, главных бухгалтеров, агрономов или партийных руководителей – в деревнях Шульц, Роледер, Краснояр, Розенхайм и Швед. В конце концов бывшего председателя кантонального исполкома принудили к тому, чтобы признать собственное участие еще в одной из повстанческих организаций – на этот раз раскрытой НКВД на Челябинметаллургстрое. Здесь речь шла об аналогичных обвинениях, как и в случае с Мюллером: Гартман якобы распространял среди трудовых бригад и войск провоцирующие и деморализующие слухи, в которых «восхвалял фашистскую армию», вербовал доверенных лиц для «контрреволюционной и повстанческой» организации и хотел при приближении немецкой армии к Уралу подготовить и начать восстание мобилизованных.

Согласно обвинительному заключению, составленному 22 сентября 1942 г., в этом групповом преступлении участвовали еще 19 человек - по большей части партийных, советских и хозяйственных работников кантона Краснояр бывшей республики немцев Поволжья, которые якобы были руководителями и членами повстанческой контрреволюционной организации⁵⁴. Наряду со шпионской деятельностью в пользу Германии они занимались «практической» подготовкой вооруженного восстания в районе Краснояр автономной республики немцев Поволжья и основали во всех деревнях этого района «контрреволюционные» группы, составляли «планы» по приему немецких парашютистов, которые должны были приземлиться на территории района, готовили продукты питания и фураж для германской армии. Кроме того, после выселения они вели антисоветскую и пораженческую агитацию, а в лагере вновь создали повстанческую организацию.

Согласно обвинительному акту большинство обвиняемых признали свою «вину» полностью и целиком. Только трое из них отклонили эти чудовищные обвинения. На дознавателей этот факт не произвел никакого впечатления, так как вина этих троих была «достаточно» доказана агентурными данными, а также показаниями других обвиняемых и свидетелей. Следователь предложил 13-ти обвиняемым дать высшую меру наказания – расстрел, а остальным «преступникам» по десять лет ИТЛ. В самом низу на последнем листе обвинительного акта, как в большинстве документов по этим процессам, стояло: нет никаких материальных свидетельств. Это свидетельствовало о том, что все дело

основывалось исключительно на признаниях и рассказах подследственных. Обвинение было направлено в ОСО при наркоме ВД в Москву, которое 14 октября 1942 г. заочно приговорило всех обвиняемых к расстрелу. Большинство протоколов на этом процессе было перепечатано на печатной машинке, что заставляет предположить, что за ходом дела внимательно следили центральные инстанции ГУЛАГа и НКВД.

По этой схеме развивались многочисленные процессы против трудармейцев. Так в августе 1942 г. на стройке ЧМС была «раскрыта и уничтожена» следующая «фашистская контрреволюционная повстанческая организация мобилизованных немцев». К руководителям этой организации принадлежали Теодор Траутвейн и Александр Роот, третий секретарь комитета партии кантона Краснояр⁵⁵. Как выяснилось, они начали свою подрывную деятельность не в лагере, а гораздо раньше: в 30-е гг. в своем кантоне они вместе с другими обвиняемыми организовали контрреволюционную группу, чтобы во время германо-советской войны поднять вооруженное восстание. Кроме того следствие установило, что Траутвейн уже с 1933 г. являлся агентом немецкой разведки. Более или менее произвольно вовлеченные в этот процесс были родом не только с Волги, но и с Украины, из Казахстана, с Кавказа или из Крыма. Это были учителя, бухгалтеры, экономисты, молодые партийные и советские функционеры, руководители предприятий или колхозов, а также простые колхозники. Следственным органам не мешало то, что они всех стригли под одну гребенку. Если не в бывшей республике, то на стройке эти люди, якобы вошли в повстанческую организацию и только и ждали, когда немецкие войска дойдут до Урала. Лейтенант госбезопасности Федор Глазков выступал за то, чтобы расстрелять большинство обвиняемых. Но в этом случае ОСО не воспользовалось рекомендацией следователя и 3 февраля 1943 г. приняло постановление о наказании 32 человек, проходивших по этому делу: четыре из них были расстреляны, среди них – Траутвейн и Роот, другие получили по десять лет заключения. Очевидно за этим «мягким» приговором крылась забота о предотвращении «ненужной» траты рабочей силы, которой не хватало⁵⁶.

Другим важным полем деятельности органов госбезопасности стало беспощадное подавление всех так называемых «пропагандистских преступлений». К ним относили любые выражения недовольства политикой советской власти против российских немцев, критику условий содержания в лагере, сомнение в правительности сообщений властей о ходе войны и т.д. Все это чекисты рассматривали как факты «контрреволюционной антисоветской агитации и пропаганды», которые заслуживали наказания по определению пресловутого параграфа 58 УК РСФСР. Характерным является дело в отношении шести трудмобилизованных из Богословлага, которых обвинили в проведении «систематической антисоветской агитации профашистского характера»⁵⁷. Подробные протоколы допросов позволяют реконструировать некоторые типичные обвинения, которые встречались в этой или несколько видоизмененной форме и во многих других уголовных делах.

Официальное обвинение	Фактическое высказывание
Клевета на политику Советской власти и Коммунистической партии	«Теперь я понимаю, что Советская власть хочет всех нас немцев как мужчин, так и женщин и детей угробить. Нас лишили нашего хозяйства и переселили в Сибирь, потом нас оторвали от семей и собрали сюда на Урал. Теперь берут в трудовую армию и жен, отрывая этим матерей от собственных детей и дети остаются на произвол судьбы. Разве это не издевательство!»

Распространение провокационных слухов о положении мобилизованных немцев	«Много пишется, что специалисты в СССР в почете, и их используют по их специальности, а я вот человек с высшим недоконченным образованием, а используют меня в качестве сторожа» «Нас немцев мобилизовали в трудовую армию с целью всех уничтожить, поэтому заставляют работать по 18-20 часов, кормят впроголодь, издеваются над нами. Многие уже погибли голодной смертью, и мы все погибнем»
Неверие в победу Красной Армии	«Германская армия имеет прекрасное вооружение, она оснащена танками, самолетами, хорошо обучена, одета, обута и сыта. Красная Армия не имеет такой сильной техники и в этом виновато Советское правительство»
Клевета на Красную Армию	«Люди, которые пришли с фронта, рассказывали, как обеспечена Красная Армия. Наши красноармейцы форменным образом голодают, и где только увидят убитого немца, группами бросаются к нему, ищут в ранце и вытаскивают из такового шоколад, консервы, хлеб, сыр, колбасу и другие продукты»
Клеветнические высказывания о советской печати	«Я сегодня прочитал сообщение о потерях германской армии и убежден, что все это чистая ложь. Разве можно этим цифрам поверить, если подсчитать по всем сводкам потери германской армии в технике и людях, то получим такую цифру – больше чем в самой Германии населения»
Восхваление царского режима	«Жизнь при царском правительстве была гораздо лучше чем при Соввласти. Помню, когда я работал мальчиком у одного торговца, то получал 10 рублей, и за эти 10 рублей я был сыт, одет, обут. А сейчас, хотя и денег будешь иметь, но за них ничего не достанешь»
Клевета на колхозный строй	«С тех пор как существуют колхозы не было еще хорошего урожая и не будет, потому что не заинтересованы работать, да и какой может быть у них интерес к работе, когда их согнали туда как скот»
Клевета на союзников	«Надежды на открытие 2. фронта иллюзорны. Англичане умные люди. В начале войны они сражались до последнего француза, а сейчас сражаются до последнего русского. Русские и немецкие дураки дерутся, а плодами воспользуются англичане и американцы»

Легкую добычу для органов безопасности представляли собой немецкие эмигранты, принявшие советское гражданство и оказавшиеся на принудительных работах. Одним из них был Эрих Борхерт, выпускник известного Баухауза⁵⁸ в Дессау⁵⁹. Для левого по своим убеждениям художника, который некоторое время находился в коммунистической партии (1928–1932) и всегда был пламенным антифашистом, рекрутирование в трудовой батальон по причине его немецкой национальности было рубежом в жизни. Этот вывод можно сделать на основе его «собственноручно» записанных на немецком высказываний в следственном деле, сделанных после ареста:

Пребывание в строительном батальоне привело к изменению всех моих прежних убеждений. Я был совершенно выбит из колеи. Во-первых, я не мог объяснить

существование строительного батальона, зная суть национальной политики Советского Союза. Во-вторых, отношение командиров этого батальона, которые обогащались за счет батальона, действовало на меня отрицательно... В любом случае можно было быстро и легко заметить, что в стройбате можно жилось лучше тем, кто был нечестным⁶⁰.

Эрих Борхерт был арестован 18 ноября 1942 г. Он обвинялся в организации и руководстве диверсионной группой, намеревавшейся вывести из строя электростанцию, обеспечивавшую электричеством Уральский алюминиевый завод (УАЗ), а так же в намерении перейти на сторону германской армии. Следствие рассматривало Высшую школу Баухауз, в целом, как кузницу шпионских кадров, где под руководством его второго директора Ханнеса Мейера проводилась «идеологическая и практическая подготовка лиц, предназначенных к переброске для шпионской работы». Сам Борхерт якобы был агентом немецкой разведки и в 1930 г. был направлен в СССР как специалист для «сбора военной, экономической и политической информации», которой интересовалась немецкая разведка. Многие годы он имел контакт с немецким посольством. В Каменск-Уральске он активизировал свою «подрывную деятельность» и поручил своему подельнику Гельмуту Ноллю путем взрыва электростанции прервать снабжение УАЗа электричеством.

Выбитые признательные показания послужили основой для фантастических измышлений чекистов, которые потребовали для обоих обвиняемых расстрела. 15 января 1944 года Особое совещание приговорило Борхерта к 20, а Нолля – к 15 годам заключения в лагерь. До июля 1944 г. за попытки к бегству, мнимые акты саботажа, контрреволюционную и повстанческую деятельность, за членовредительство и умышленное самоистощение (!) были арестованы 8.543 мобилизованных немца. Из них 6.392 были приговорены к многолетнему заключению в лагере, а 526 – к расстрелу⁶¹. В большинстве случаев наказание назначалось Особым Совещанием при полном игнорировании судебных процедур.

Окончание войны привело к определенной «либерализации»: все больше политических преступлений передавались на рассмотрение обычных судов. Так, 2 марта 1946 г. был арестован Фридрих Грец, которого органы госбезопасности обвинили в том, что в Богословлаге он стал инициатором возмущений среди членов своей бригады⁶². Обвиняемый выражал недовольство приказом лагерного руководства, который предписывал ужесточение рабочего режима. Далее этого трудармейца обвинили в том, что он уже в 1921 г. помимо обычной вредительской агитации принимал участие в «антисоветском движении за выезд из СССР» и, кроме того, утверждал, что положение военнопленных вермахта существенно лучше, нежели мобилизованных российских немцев. Дело было передано на рассмотрение Особого лагерного суда, который 15 мая начал допросы Греца и девяти свидетелей. Более того, требование обвиняемого предоставить ему адвоката (!) было выполнено. Фридрих Грец признал себя виновным лишь отчасти, а адвокат выступал за освобождение. Процесс длился лишь один день и завершился приговором суда, согласно которому он должен был отбывать заключение в течение трех лет, а затем в течении двух лет лишался гражданских прав.

Применение судебных процедур вело, хоть и с оговорками, к определенному смягчению наказаний за политические преступления.

Процесс против бывшего руководства республики немцев Поволжья

В ряду политических дел такого рода особенно выделяется процесс против бывших руководящих функционеров АССР немцев Поволжья, продолжавшийся больше двух лет (с апреля 1944 до августа 1946 г.). По нему проходили Александр Гекман, бывший председатель СНК республики немцев Поволжья, Генрих Корбмахер, третий секретарь обкома ВКП(б) республики (1938–1941 гг.) и бывшие наркомы Фридрих Фрицлер (земледелия) и Иоганнес Майер (финансов). Все они находились на принудительных работах в Богословлаге/БАЗстрое⁶³.

Уже по первым обвинениям против мобилизованных можно было констатировать, что наряду с конструированием «доказательств» антисоветского образа мыслей и деятельности представителей «простого» народа, органы безопасности преследовали еще и другую цель, а именно – поставить государственную измену в вину всему руководству и интеллигенции республики немцев Поволжья. Так, приговоренные Траутвейн, Мюллер и Роот были принуждены в 1942 г. дать показания против Генриха Корбмахера и подтвердить, что он якобы был руководителем повстанческой организации на территории автономной республики⁶⁴. Материал о существовании профашистских «происков» среди поволжских немцев сотрудники НКВД собирали в ходе расследования других дел. Некий Карл Донис подписал в Новосибирске 18 ноября 1942 г. протокол, в котором говорилось о существовании мнимой фашистской организации с руководящим центром, в который входили ведущие партийные и советские работники. Их главной целью якобы было «отторжение насильственным путем Поволжья от Советского Союза и присоединение его к Германии»⁶⁵. Ко времени вынесения приговора органы госбезопасности определились, что руководителем нелегальной организации поволжских немцев должен был стать бывший глава правительства Гекман, а не Корбмахер.

Из доступных для исследования материалов нельзя сделать достоверный вывод о том, почему следствие было отложено до 1944 г. Возможно, свою роль сыграли различные факторы: ужесточение национальной политики СССР, которая достигла своего пика в конце 1943–44 гг., когда были депортированы некоторые северокавказские народы и крымские татары, а их автономные образования были ликвидированы. Значение имел и тот факт, что Президиум Верховного Совета СССР лишил полномочий депутатов ликвидированной АССР немцев Поволжья лишь 27 марта 1944 г., и тем самым прекратил свое действие принцип депутатской неприкосновенности в отношении Гекмана и других народных представителей⁶⁶. Нельзя исключать и того, что в неразберихе первых военных лет органы безопасности просто не могли найти людей, о которых шла речь.

Первым был арестован 29 апреля 1944 г. Корбмахер, поводом для ареста послужили показания Траутвейна, Мюллера и Роота⁶⁷. На протяжении трех недель подследственный энергично отрицал обвинения в том, что он являлся «активным участником контрреволюционной повстанческой организации на территории бывшей АССР немцев Поволжья». Дальнейший ход дела он описывал два года позднее в московской тюрьме:

18 и 19 мая меня беспрерывно допрашивал следователь Тюлешов, не давая есть и пить. После этого видя, что я показаний не даю, майор Медведев (начальник отдела – В.К.)

приказал мне раздеться до гола и совместно с майором Сольниковым и Тюлешовым стали меня избивать ногами и ремнем. При этом Медведев грозил меня застрелить. После этого избияния я был вынужден подтвердить показания Роот, Мюллера и Траутвейн. При этом он (Медведев – В.К.) назвал фамилию Гекмана, якобы вербовавшего меня в повстанческую организацию; я и это подтвердил⁶⁸.

Протокол допроса 19 мая 1944 г., официально подписанный Корбмахером, описывает поиски истины и «путь» к признанию немного по-другому:

Вопрос: Органам НКВД известно Ваше участие в нелегальной антисоветской организации, за что Вы и арестованы. Признаете себя виновным в принадлежности к антисоветской организации?

Ответ: Не признаю потому, что ни в какой антисоветской организации я не состоял.

[...] Вопрос: Ваша виновность перед Советской властью следствием уже доказана, за что Вы и арестованы. Следствие вынуждено Вас предупредить, что нежелание давать правдивых показаний, а следовательно попытка скрыть таким путем своих сообщников, может только отяготить ответственность, которую Вы понесете за совершенные преступления. [...] Советуем Вам отказаться от бесполезной попытки обмануть следствие.

Ответ: Да, должен признать, что из-за боязни ответственности за совершенное преступление пытался отрицать свое участие в антисоветской организации и поэтому давал следствию лживые ответы, но сейчас мне ясно, что у следствия достаточно улик против меня и я решил говорить правду.

На этом же допросе Корбмахер признался, что бывший председатель Совета Народных Комиссаров республики немцев Поволжья Александр Гекман завербовал его в 1938 г. Кроме того, следствие пожелало узнать о других «предателях» высокого ранга, которые принадлежали к «руководящему» центру изменников. Были названы Конрад Гофман, председатель Президиума Верховного Совета республики, народные комиссары Фридрих Фрицлер и Иоганнес Майер, Якоб Вейлерт, второй заместитель председателя Совнаркома, Роберт Грош, председатель «Немкустпромсоюза», Владимир Гергерт, управляющий делами Президиума Верховного Совета АССР НП и другие. Самых известных функционеров среди них - Корбмахера, Майера, Фрицлера и Гекмана - чекисты «назначили» членами «руководящего центра» нелегальной организации, не в последнюю очередь потому, что все четверо находились на принудительных работах в Богословлаге и могли быть сразу же привлечены по делу. 22 мая 1944 г. был арестован Гекман⁶⁹, несколько дней спустя – Фридрих Фрицлер, которому в трудовом лагере, возможно, учитывая его прежнюю должность, была доверена руководство свинофермой, а 31 мая – Иоганнес Майер. При помощи вынужденных признаний и полученных в ряде других дел «фактов» предварительное следствие завершилось в августе 1944 г. Обвинительное заключение было послано в ОСО в Москву. В нем значилось, что все вышеперечисленные мобилизованные обвиняются в создании и руководстве контрреволюционной повстанческой организацией и антисоветской агитации, что означало для проходивших по делу смертный приговор⁷⁰.

В это время арестованные находились в тюрьме в Свердловске, где они стали отрицать полученные при помощи психологического и физического насилия признательные показания и писали письма главе советского государства Михаилу Калинину, наркому внутренних дел Лаврентию Берии, в прокуратуру и другие инстанции.

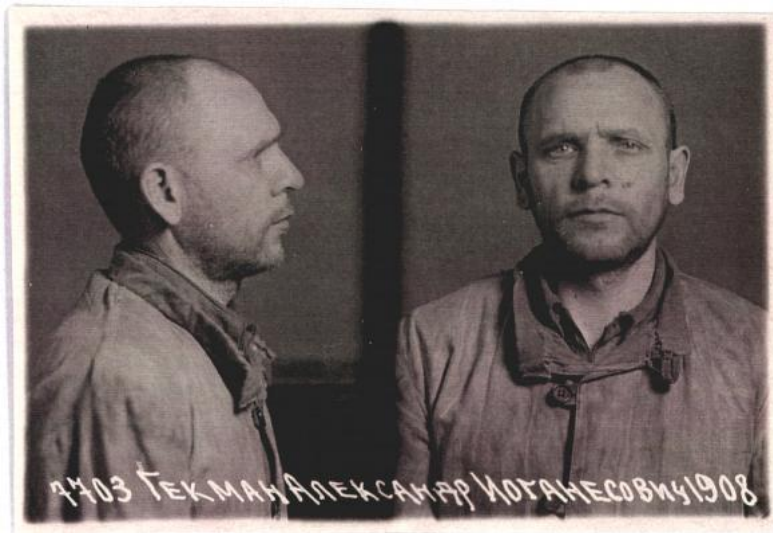
Удостоверение депутата Верховного Совета АССР немцев Поволжья Александра Гекмана, выданное в 1938 г. (Из фондов ГААОСО).

Это обстоятельство существенно замедлило ход процесса. Здесь сыграло свою роль и прежнее положение заключенных: очевидно, в вышестоящих инстанциях не были уверены в том, как следует поступать далее при тех скудных доказательствах, которые представляли собой, главным образом, показания обвиняемых, от которых те и отказались. В первую очередь ранее выдвинутые обвинения необходимо было «подкрепить» дополнительными доказательствами.

В это время органы госбезопасности сконструировали новое групповое дело, на этот раз в Ивдельлаге. Речь шла об известном трудармейце Адольфе Денинге, который с 1938 по 1941 г. был председателем Мариентальского кантонального исполкома, а с 1937 по 1944 г. - также депутатом Верховного Совета СССР. В трудовом лагере его сначала назначили руководителем транспортной службы, а затем, вплоть до его ареста 18 апреля 1945 г., он был заведующим сенопунктом⁷¹. Обвинительное заключение по этому делу приписывало части узников, находившихся на принудительных работах в этом лагере (которые ранее проживали в том же кантоне Мариенталь) участие в антисоветской подрывной организации, которая якобы существовала в республике немцев Поволжья и управлялась из руководящего центра, который возглавлял Гекман. Далее – обвиняемые якобы проводили среди трудармейцев Ивдельлага НКВД «злостную» антисоветскую агитацию и пропаганду и активно готовили «насильственное освобождение трудмобилизованных немцев из лагеря». Это должно было произойти ко времени взятия Сталинграда немецко-фашистскими войсками⁷².

Дополнительные «доказательства» предоставили органы госбезопасности из Красноярского лагеря, где в 1943-45 гг. содержались десятки бывших функционеров и простых партийцев из АССР НП и других регионов⁷³. Некоторых мобилизованных обвинили в том, что они знали о существовании мнимого «центра» во главе с Гекманом, Майером, Фрицлером и Гофманом, и принудили их подтвердить это⁷⁴.

В связи с тем, что речь, якобы, шла о шпионаже, в начале июня 1945 г. ответственность за процесс против бывших высших функционеров республики немцев Поволжья передали Народному комиссариату госбезопасности⁷⁵. Люди из НКГБ, казалось, лучше подходят для того, чтобы довести до конца дело о профашистском «массовом движении» среди поволжских немцев, возглавляемых местными функционерами. Явно под давлением из Москвы свердловские чекисты прибегли к «испытанным» средствам,

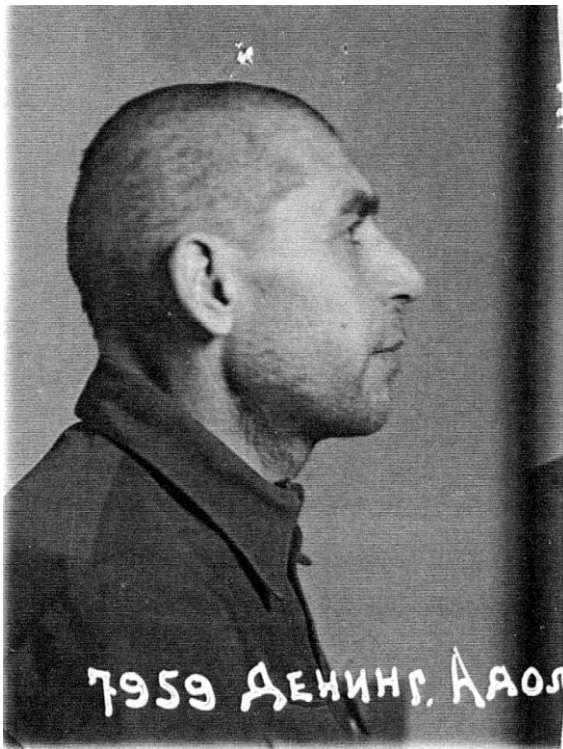
Тюремное фото Александра Гекмана, июнь 1944, Свердловск (Из фондов ГААОСО).

чтобы получить необходимые признания. Об этом можно судить по собственноручным записям Гекмана:

1-го октября 1945 года ночью меня били и потребовали от меня показаний. Присутствовали подполковник Грибанов, лейтенант Усманов и полковник один, мне было объявлено о том, что полковник является заместителем начальника УНКГБ по Свердловской области. Били меня плеткой в подошвы ног (пятки) в два приема. Били меня лейтенант Усманов и подполковник Грибанов. Я не мог выдержать эти боли и дал вымышленные показания, чтобы избежать дальнейших побоев. Я тут же вкратце дал некоторые показания. Потом мне был предоставлен отдых и уже днем 2-го октября и 3-го октября 1945 мои показания были застенографированы⁷⁶.

В качестве главной фигуры «повстанческой фашистской организации» Гекман должен был своими словами подтвердить показания, которых от него добивались следователи. В течение трех дней он дал на более чем сорока машинописных страницах протокола ужасную картину разветвленного «заговора» в республике немцев Поволжья⁷⁷. Прежде всего он попросил позволить ему «...рассказать следствию те обстоятельства и исторически сложившиеся условия, в результате которых» он «лично и почти весь руководящий состав бывшей республики немцев Поволжья оказались организаторами антисоветского подполья и встали на путь активной борьбы против Советского строя». После того, как он получил разрешение, бывший председатель Совнаркома широкими мазками нарисовал впечатляющую панораму вредительской деятельности прежнего руководства республики, начиная с Иоганнеса Шваба, председателя Центрального исполнительного комитета республики немцев Поволжья с 1924 по 1930 гг., Франца Густы, секретаря областного партийного комитета партии в 1926-28 гг. и других руководителей, которые «происходили из кулаков и в прошлом принадлежали к партии эсеров».

При этом он назвал «объективные» причины, которые «сказались на внедрении среди масс антисоветских идей и культивировании немецкого национализма»: исторические связи с Германией, развитое крупное кулацкое хозяйство среди поволжских немцев, подрывная деятельность бывших фабрикантов и капиталистов (Борелля, Шмидта и

Тюремное фото Адольфа Денинга, апрель 1945 г., Свердловск (Из фондов ГААОСО)

других), которые после революции хоть и эмигрировали, но все же влияли на население республики через родственников и знакомых. Все это «благоприятствовало культивированию среди населения Республики немецкой националистической идеологии, а после прихода к власти в Германии фашистов и нацистских идей».

К лету 1939 г. вокруг Гекмана, Фрицлера, Корбмахера и Майера якобы сформировался руководящий центр антисоветской повстанческой организации. Работа штаба велась «в направлении создания повстанческих звеньев в различных районах». Так, директор одной из МТС Беккер стоял во главе потенциальных повстанцев кантона Добринка: во главе Мариентальского кантона стоял депутат Верховного совета СССР Денинг, за кантон Маркштадт отвечал секретарь кантонального партийного комитета Идт и т.п.

Разумеется, в таком деле могло обойтись без «агентов гестапо» и «немецкой разведки». На роль одного из них был определен Гуго Гупперт⁷⁸, который выдавал себя за антифашистского писателя. По версии же следователей он являлся «агентом гестапо и близко стоял к германскому правительству», подтверждением чему должен был служить следующий факт: когда Гупперт «во второй половине 1938 г.» во второй раз прибыл в республику немцев Поволжья, он привез с собой письмо немецкого руководства к контрреволюционной организации и передал его Гекману. По понятным причинам оригинал не сохранился, так как был после ознакомления сразу же уничтожен. Но содержание письма Гекман запомнил и пересказал следствию. Это письмо содержало согласие немецкого правительства на полную поддержку целей антисоветской организации. Затрагивался также вопрос о форме управления и государственной

структуре республики немцев Поволжья после победы Германии. Немецкое население Поволжья должно было присоединиться к Рейху как специальный Поволжский район с центром в Саратове, где предполагалось восстановить частную собственность и кулацкие хозяйства, которые должны были получить землю за счет других поволжских областей.

В следственном деле появился, кроме того, «агент абвера» Гадроссек, который работал в Немецком государственном издательстве г. Энгельс, и представитель республики при Совете народных комиссаров РСФСР в Москве Герберт Франк, который «который давно связан с антисоветской организацией и поддерживает одновременно связь с германским посольством». Франк обещал выяснить у германского правительства вопрос о поставках оружия для повстанческих групп. Далее в протоколе отмечено признание Гекмана в том, что

...в 1940 г., примерно в первой половине, через Гадроссека стало известно о том, что вопрос вооружения получит свое разрешение следующим образом: будут выброшены в разных районах на территорию Республики Немцев Поволжья десантные части германской армии с соответствующим вооружением, и задача местного немецкого населения и организованных повстанческих групп заключается в том, чтобы поддержать эти десантные части и вместе с ними поднять вооруженное восстание и выступить с оружием в руках против Красной армии.

Эти признания должны были служить оправданием августовского Указа, и все же следователей терзали сомнения. Необходимы были конкретные поступки, точные даты, документальные доказательства. Но здесь были лишь слухи и неопределенности, уничтоженные письма, не осуществленные намерения, никаких пойманных немецких агентов... По меньшей мере на вопрос следователя о «практической» подготовке к восстанию после нападения Германии на Советский Союз бывший глава правительства показал:

Должен признать, что наш план подготовки вооруженного восстания и оказания помощи немецким войскам с тыла был сорван тем, что в конце августа месяца 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении граждан немецкой национальности из Поволжья в отдаленные районы Советского Союза и благодаря этому своевременному мероприятию советского правительства нам не удалось осуществить своих преступных намерений.

Местным подручным показалось, что наступил момент праздновать успех и, они уже мечтали о государственных наградах и карьерах, которыми их вознаградят за разоблачение предательской организации. Но неожиданно столь «блестяще» организованное следствие застопорилось: 4 ноября 1945 г. руководство НКГБ по распоряжению заместителя наркома госбезопасности Богдана Кобулова взяло на себя дальнейшее следствие в связи с «особой важностью»⁷⁹. К тому же показания Гекмана, Корбмахера, Фрицлера и Майера оказались «не убедительны, противоречивы и поэтому вызвали сомнения в их правдоподобности». Арестованные были переведены в Москву.

Это позволяло предположить, что готовится большой показательный процесс, на котором произойдет публичное осуждение вскрытого «предательства» социалистической родины

поволжскими и всеми российскими немцами. Но для реализации такого намерения требовались достоверные признания и вызывающие доверия доказательства. Строить процесс только на основе признательных свидетельств было рискованно, тем более, что в московской тюрьме обвиняемые вновь отказались от выбитых из них показаний. Новое расследование поручили сотрудникам Следственного отдела по особо важным делам НКГБ СССР. Больше полугодом длилась тщательная проверка, связанная с командировками в Свердловск и Красноярск, где были вновь допрошены десятки свидетелей. Все, что могло иметь отношение к этому процессу – богатые архивы госбезопасности, завершённые и текущие следственные дела, обширные персональные картотеки и др. – все подлежало тщательной проверке⁸⁰.

Так как эти серьёзные усилия не привели к удовлетворительному результату и так и не удалось найти никаких следов какой-либо повстанческой группы или фашистских диверсантов, то окончательном обвинительном заключении от 12 июля 1946 г. значилось, что «принадлежность Корбмахера, Гекмана, Фрицлера и Майера к антисоветской повстанческой организации не подтвердилась»⁸¹. Чтобы не осрамиться полностью и избежать возможной ответственности за безуспешность следствия, длившегося более двух лет, то следственные работники прибегли к проверенному средству и, недолго думая, обвинили подследственных в том, что они «высказывали среди трудмобилизованных немцев националистические настроения и свою озлобленность против Советского правительства». В сравнении с первоначальными, «тянувшими» на расстрел обвинениями (измена родине, шпионаж, руководство повстанческой контрреволюционной организацией и т.д.) приговор ОСО при нарком ВД – четыре года лишения свободы каждому за «антисоветскую агитацию» – прозвучал почти как оправдание⁸².

Реабилитация в хрущёвский период

Согласно правительственному распоряжению от 8 января 1945 г. об улучшении учета и контроля за депортированными народами в областях «поселений» были созданы спецкомендатуры. Там немцы должны были регистрироваться и в течение трех дней заявлять о всех изменениях в численности семьи (смерть, побег, рождение и проч.). Они не должны были покидать место жительства без разрешения коменданта⁸³.

В 1945-46 гг. начался постепенный роспуск трудовых колонн и перевод «немецкого спецконтингента» в постоянный штат предприятий или строительных организаций, где они работали во время войны. Им разрешили, если это позволяли условия жизни, привезти к себе семьи или, если соглашалось руководство предприятия и спецкомендатура, возвратиться на место принудительного поселения. Воссоединение семей длилось многие годы и завершилось в целом лишь во второй половине пятидесятых годов⁸⁴. Режим спецпоселений был заметно ужесточен в связи с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., который объявил ссылку «наказанных» народов «постоянной» и предусматривал за побег из мест поселения 20 лет принудительных работ в лагере⁸⁵.

В этих условиях просьбы лагерных узников о пересмотре их приговоров были безуспешными. Так, 2 мая 1946 г. заключенный Андреас Бейль обратился с жалобой в ОСО при Министре внутренних дел, в которой он объяснил свои прежние показания как

результат противозаконных действий следственных органов. Проверку фактов поручили тому же самому следователю, капитану НКГБ Свердловской области Тетенку, который ранее вместе с другими сотрудниками вел это дело. 10 февраля 1947 г. он составил обоснование, в котором, естественно, отвергал эти «безосновательные» утверждения и предлагал ОСО отклонить просьбу Бейля⁸⁶.

Вскоре после смерти Сталина началась медленная реабилитация, первоначально ограниченная представителями бывшей элиты и некоторыми группами населения, пострадавшими в поздние 1940-е – ранние 50-е гг. Наиболее последовательным при проведении этой политики оказался Берия, который и предложил реформировать систему ГУЛАГа⁸⁷. В отношении российских немцев он также проявил удивительную гибкость. 8 мая 1953 г. Берия распорядился разослать членам Президиума ЦК КПСС анонимное письмо спецпоселенца, в котором в резких выражениях было обрисовано дискриминированное положение российских немцев. Берия заметил, что перед лицом «государственного значения этого вопроса» руководимое им МВД провело «проверку положения спецпоселенцев» и подготовило некоторые предложения для обсуждения в ЦК⁸⁸. Осторожная десталинизация шаг за шагом улучшала положение депортированных народов: 5 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял распоряжение «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Согласно документу, дети до 16 лет были освобождены от обязательной регистрации⁸⁹. Несколькими днями позднее отменили указ от 26 ноября 1948 г., по которому побег из мест спецпоселений наказывался заключением на срок 20 лет. «Не переселенные» во время войны немцы, которые до 1941 г. жили в восточных областях страны, а также оставшиеся в ссылке кулаки были 13 августа 1954 г. освобождены от обязательного комендатурского учета. То же самое коснулось и тех членов партии и членов их семей, которые, согласно указания Президиума ЦК от 9 мая 1955 г., стали считаться свободными гражданами. По указанию Совета Министров от 24 ноября того же года от надзора были освобождены также учителя, участники Великой Отечественной войны, люди, награжденные орденами и медалями, а также члены их семей. В марте 1955 г. Совет Министров разрешил выдачу паспортов спецпоселенцам и их призыв на вооруженную службу, начиная с призывников 1936 г. рождения. В конце концов Президиум Верховного Совета СССР упразднил по Указу от 13 декабря 1955 г. статус «спецпереселенца» для немцев⁹⁰.

Широко распространенное мнение, что декабрьский Указ появился в результате визита в Москву федерального канцлера Конрада Аденауера в сентябре 1955 г., представляется слишком поверхностным. Последовательная ликвидация административных ограничений для некоторых национальных или социальных групп оказалось более связана с общей тенденцией развития послесталинского общества, и было лишь вопросом времени, когда эта тенденция охватит и немцев. Комиссия ЦК партии уже в апреле 1953 г. в письме члену Политбюро Георгию Маленкову предлагала сузить значительное облегчение положения спецпереселенцев⁹¹. Несмотря на то, что все эти указы и распоряжения были весьма важными для спецпоселенцев, не могло быть и речи о полном восстановлении их в правах. На немцах, также как временно и на других депортированных народах, по-прежнему лежала «печать» предателей отечества⁹². И лишь потому, что ограничение в правах этих людей не считалось больше «необходимым», состоялось своего рода правительственно-бюрократическая амнистия. В правильности мероприятий депортации во время войны, по мнению наследников Сталина, сомневаться не приходилось. Об этом

недвусмысленно говорилось в Указе от 13 декабря 1955 г., в котором объяснялось, что сосланные «не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены, и что ликвидация статуса спецпоселенца не предполагает возврата имущества, которое было конфисковано при высылке»⁹³. «Осчастливленные» немцы должны были письменно отказаться от намерений вернуться и от имущественных требований. Тот, кто в «либеральное» хрущевское правление или позднее настаивал на этом, сразу же обвинялся в антисоветской агитации и пропаганде со всеми вытекавшими из этих обвинений последствиями.

С упразднением 1 сентября 1953 г. ОСО при министре ВД СССР (с марта 1946 г. народные комиссариаты были переименованы в министерства) прокуратура и Верховный Суд СССР получили право перепроверять показания и жалобы приговоренных. В одном из писем, направленных в декабре 1953 г. Хрущеву, Министр внутренних дел Круглов и Генеральный прокурор СССР Руденко предлагали проверять лишь следственные дела, заведенные с июня 1945 г., так как решения Особого Совещания, принятые во время войны, служили «потребностям военного времени», а довоенные полномочия этого ведомства не имели большого значения⁹⁴. Основываясь на этой позиции, Центральная Комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении⁹⁵, 27 сентября 1954 г. отклонила просьбы заключенных Ивана (Иоганна) Беккера и Рудольфа Германа о пересмотре их приговоров. Сотрудник министерства внутренних дел, которому поручили вести дело по пересмотру, повторил обвинения слово в слово, как они были сформулированы в обвинительном акте: участие приговоренных в 1945 г. немцев в антисоветской повстанческой организации и их «злостная антисоветская агитация» среди принудительно мобилизованных⁹⁶. Центральные и местные комиссии до 1 апреля 1955 г. приняли к рассмотрению следственные дела на 237 412 человек, из них 125 202, то есть 53 процента обратившихся, получили отказ⁹⁷.

Запущенный процесс реабилитации, использованный Хрущевым как средство внутривнутрипартийной борьбы за власть, постепенно набирал силу. Ускорение рассмотрения дел было следствием изменения, введенного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г., согласно которому военные трибуналы, верховные суды союзных республик и президиумы верховных судов автономных республик или областные и региональные суды получили право пересматривать приговоры Особого Совещания с согласия ответственного прокурора⁹⁸.

В этой неясной для посторонних людей ситуации, отягощенной для немцев статусом спецпоселенцев, перспективу отмены несправедливых приговоров имели прежде всего те дела, по которым проходили бывшие члены партии. Они должны были, как правило, до войны входить в партийный или советский аппарат, активно участвовать в установлении и защите советской власти и, несмотря на пребывание в заключении, оставаться верными коммунистическим идеалам. Им не следовало никаким образом выражать свое отношение к проблеме ликвидации республики немцев Поволжья или к положению немцев, они должны были демонстрировать приверженность актуальной политической линии партии и не скупиться на похвалу в отношении Первого секретаря и других руководителей партии. В качестве такого примера дела может служить дело в отношении Ивана Беккера. Его направленное в адрес Хрущева письмо⁹⁹ начинается следующим образом: «Дорогой Никита Сергеевич! Обращаюсь к Вам как воспитаннику и

Секретари Центрального Комитета
Коммунистической Партии Совет-
ского Союза

Никите Сергеевичу
Хрущеву

Дорогой Никита Сергеевич!
Обращаюсь к Вам, как воспитанни-
ку и последователю дела Ленина-
Сталина, как сыну нашей словесной
Коммунистической Партии Совет-
ского Союза, как сыну нашего
русского народа и брату Вас
разобритесь в этом деле и
помогите мне в моем большом
деле.

Ивану
Я Беккер Иван Иванович
1909 года рождения, уроженец изде-
раского-кутского Саратовской области.
Родился я в семье крестьянина бедного

Письмо бывшего заключенного Ивана Бекера Никите Сергеевичу Хрущеву, 13 июня 1955 г.

последователю дела Ленина-Сталина, как сыну нашей славной Коммунистической партии Советского Союза». Затем он подробно описывает биографию своего отца, бедного крестьянина, который во время гражданской войны сражался под командованием «прославленного полководца» Ворошилова. Сам автор письма, родившийся в 1909 г., с 1931 г. работал в органах НКВД и даже какое-то время руководил районным отделением внутренних дел: «На этой работе я был достаточно проверен как настоящий справедливый чекист, охраняющий интересы нашей партии Ленина-Сталина по уничтожению внутренних врагов народа, за что неоднократно имел благодарности и награды...» В трудовом лагере Ивдель он занимал руководящие посты, на которых он, как он считал, «сохранил честь члена партии». Тем большим потрясением для него был арест в мае 1945 г. и приговор к десяти годам в лагере за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Теперь он обвинял своего следователя в нарушении закона и характеризовал следствие над ним как дело рук помощников «врага народа» Берия: он не чувствовал себя преступником, но ему было «стыдно и по сей день, что я опозорил своим арестом нашу славную коммунистическую партию. [...] Мне стыдно перед моими родителями, которые своей кровью завоевали для меня такую прекрасную родину». Письмо заканчивается личной просьбой Хрущеву: «Помогите мне стать снова полноценным строителем нашего коммунистического общества!».

Это письмо, написанное выпреженным тоном и напичканное соответствующими идеологическими штампами, оказало требуемое воздействие: жалобе Беккера уделили особое внимание, так как она находилась на контроле ЦК КПСС¹⁰⁰. Дополнительным мотивом для рассмотрения всех обстоятельств стала жалоба Рудольфа Германа, который также был осужден по этому уголовному делу. В письме от 25 ноября 1955 г. он обвинял тогдашнего руководителя Управления госбезопасности Свердловской области Тимофея Борщева в том, что к подозреваемым применяли меры физического воздействия и принуждали оговаривать себя и других. Как раз в это время против Борщева было заведено уголовное дело и дополнительные факты были важны для обвинения¹⁰¹.

Сотрудники Свердловского областного управления КГБ провели основательную проверку этого дела, которая выразилась, главным образом, в новых допросах оставшихся в живых обвиняемых и свидетелей. Все они единодушно отрицали показания, данные в прошлом. Далее проверяющие инстанции занялись другими делами, которые имели связь с указанным случаем. Майор КГБ Морозов, которому была поручена проверка, констатировал 26 апреля 1956 г., что признательные показания Александра Гекмана с обвинениями некоторых проходивших по этому же делу в организации антисоветской повстанческой организации и осужденных по другому уголовному делу, были получены при помощи пыток.

Кроме того, были допрошены пятеро бывших сотрудников органов госбезопасности, которые вели допросы по этому групповому делу в 1945 г. Они упорно отрицали все предъявленные им обвинения и не могли ничего сказать о сфальсифицированных или уничтоженных протоколах, выбитых показаниях, угрозах оружием, незаконных методах ведения следствия и проч. в связи с «давностью лет» и «слабостью памяти». Один из них, Юрий Мавричев, все же признал, что он воздействовал на Беккера при помощи ночных допросов и оскорблял его «как человека немецкой национальности»¹⁰². Естественно в то время не могло быть и речи о серьезном разбирательстве с преступниками в органах следствия, не говоря уже о привлечении их к судебной ответственности. И все же областной суд предложил в «частном определении» принять меры партийного и административного взыскания по отношению к этим сотрудникам госбезопасности¹⁰³.

После того, как материалы дополнительного следствия были переданы в прокуратуру, государственный обвинитель потребовал пересмотра решения Особого Совещания при народном комиссаре ВД от 15 декабря 1945 г. Как последняя инстанция, Президиум Свердловского областного суда рассмотрел дело и 20 июня 1956 г. отметил приговор, вынесенный в отношении Адольфа Денинга, Ивана Беккера, Андреаса Бейля, Виктора Мая, Рудольфа Германа и других 15 человек «за отсутствием состава преступления»¹⁰⁴.

Секретный доклад Никиты Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., который хоть и фрагментарно, но все же наглядно обрисовал масштаб сталинских преступлений, дал дополнительный импульс «восстановлению социалистической законности». Советская практика реабилитации имела свою ограниченность и специфику: до 1989 г. проверка осуждений по политическим делам инициировалась со стороны прокуратуры только тогда, когда поступало заявление заинтересованных в их пересмотре лиц. Если в ходе такого пересмотра объявлялись невиновными и другие, проходившие по делу фигуранты, то они не получали об этом никаких известий, так что многие лишь в 90-е гг. узнали, что они или их близкие уже давно реабилитированы. Чтобы дополнительно скрыть масштабы террора, в инструкции КГБ № 108 сс (то есть «совершенно секретно») предписывалось указывать дату смерти заключенного в любой период между арестом и последующими десятью годами заключения; такой же произвол царил и в отношении указания причин смерти. Эта сфальсифицированная информация давалась лишь тогда, когда члены семьи требовали выдать свидетельство о смерти¹⁰⁵. Тем не менее, с 1954 по 1961 гг. были реабилитированы 737 182 человек. После снятия Хрущева в 1964 г. процесс реабилитации замедлился, так что в ходе последующих 25 лет (1962–1987) лишь 157 055 граждан узнали об отмене сфальсифицированных обвинений и приговоров¹⁰⁶.

Вдохновленные изменениями в политической жизни, некоторые бывшие узники потребовали прямой отмены несправедливых приговоров и, не смущаясь, провели следующие полные упрека параллели:

Враги народа, которые действительно совершили перед Родиной преступления (изменники, полицаи, старосты), эти получили освобождение, а я, который в мыслях не держал плохого о советской власти, и не совершил никакого преступления, вот уже [сколько] несправедливо мучаюсь и не вижу просвета...¹⁰⁷

Правда потребовались еще две жалобы проходивших по этому делу трудармейцев Артура Грюнера и Леонида Шварца, прежде чем началась проверка. 29 ноября 1957 г. Военный трибунал Уральского военного округа направил в прокуратуру опротестование и отменил решение особой коллегии от 3 февраля 1943 г. со следующим обоснованием: «Обвинение их в контрреволюционных преступлениях объективными данными не доказано и дополнительной проверкой не подтверждено.»¹⁰⁸

На вопрос о судьбе ее пропавшего мужа вдова главного обвиняемого Теодора Траутвейна получила ответ, что он «в 1943 году был осужден на 10 лет ИТЛ и находясь в заключении, умер 26 июля 1943 года». В действительности его приговорили к расстрелу и привели приговор в исполнение 26 февраля 1943 г.¹⁰⁹ За убитого мужа Мария Траутвейн в конечном итоге получила компенсацию в размере двух месячных зарплат!

Границы политики реабилитации особенно очевидны в случаях принудительного переселения или ссылки, которые проводились без приговора суда или без решения Особого Совещания. Эти действия не подверглись никакому юридическому пересмотру, а материальный ущерб не подлежал возмещению. Конфискационные меры, принимавшиеся в ходе коллективизации сельского хозяйства, депортаций или ссылок 30-х – 40-х гг., отправка в трудовой лагерь – все эти и другие преступления нельзя было опротестовать.

Резюме

Следствие против бывшего руководства республики немцев Поволжья, с огромными усилиями проведенное в 1946 г. центральным аппаратом госбезопасности, не смогло доказать существования «повстанческой организации» с «десятками тысяч фашистских диверсантов и шпионов» среди немцев. Однако этот факт не привел к отмене указов от 28 августа и 7 сентября 1941 г., и к восстановлению автономии. Напротив, указание на ее существование, еще сохранявшееся в союзной Конституции, было полностью устранено во время принятия изменений в 1947 г.¹¹⁰ Даже реабилитация, начавшаяся после смерти Сталина, не изменила положения вещей, хотя большинство приговоров по процессам этого рода были отменены в конце 50-х – начале 60-х гг.¹¹¹

Для советского руководства явная или скрытая германофобия стала составным элементом внутренней и внешней политики, средством стабилизации послевоенного общества. Этой политике препятствовало бы существование немецкой автономной республики, где бы она ни находилась. Данное обстоятельство в значительной мере объясняет жесткий отказ партийных и правительственных инстанций допустить полную реабилитацию российских немцев. По этой причине Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года» были изъяты лишь обвинения в активной поддержке гитлеровской Германии, но в территориальном и материальном возмещении ущерба было отказано¹¹². На чисто формальный характер этого правового акта даже в отношении политической реабилитации указывает тот факт, что этот документ практически не упоминался ни в советских СМИ, ни в учебниках, ни в специальной литературе.

Немцы СССР стали жертвами государственной идеологии, последствия чего ощущаются до сих пор.

Перевод с немецкого Ольги Никоновой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта статья была написана в рамках проекта «Трудармия: российские немцы в советской трудовой армии и в сталинских лагерях в 1941-46 гг.», финансируемым Фондом Фольксвагена.

² Подробнее о советской военной пропаганде и ее влиянии на русских немцев говорится в моей монографии «Trudarmija. Die russlanddeutschen Zwangsarbeiter in der sowjetischen Kriegswirtschaft 1941–1946», подготовленной к печати

³ Поверните оружие против банды гитлеровских убийц! Голос крестьян республики немцев Поволжья // Правда. 1941. 15 июля. Опубликовано также в: Красная Звезда. 1941. 15 июля.

⁴ Правда. 1941. 14 июля, 5 августа; Комсомольская правда. 1941. 14 августа.

⁵ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), ф. 17, оп. 125, д. 52, л. 30–35, 39–42, 46, 84.

⁶ Цитируется по: *Detlef Brandes: Von den Verfolgungen im Ersten Weltkrieg bis zur Deportation* // Gerd Stricker (Hrsg.): *Russland. Deutsche Geschichte im Osten Europas*. - Berlin 1997, S. 209. Тему российских немцев на оккупированных территориях подробно рассматривает Ингеборг Фляйшхауер. См.: *Ingeborg Fleischhauer: Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*. - Stuttgart 1983.

⁷ См. литературу по преследованиям и репрессиям причерноморских немцев в советское время: Німці в Україні 20-30-ті рр. XX ст. Збірник документів державних архівів України. - Київ 1994; *Viktor Čencov/Nikolaj Romanec: Tragische Schicksale: Ein Kapitel aus der Geschichte der Repressionen gegen die deutsche Bevölkerung der Ukraine* // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*, Bd. 7. Essen 1997. S. 43–52; *В. Ченцов*. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. - Москва, 1998; *Н. Охотин, А. Рогинский*. Из истории немецкой операции НКВД 1937–1938 гг. // *Наказанный народ. Репрессии против российских немцев*. - М., 1999. С. 35–75.

⁸ *В. Гергерт*: Мечта и грешная земля. - Пермь, 1994. С. 33 и др.; *И. Шульга*: Изъятие из рядов Красной Армии военнослужащих немцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Немцы России в контексте отечественной истории: Общие проблемы и региональные особенности*. - М., 1999. С. 347–358.

⁹ Взгляды подобного рода питались опытом советско-польской войны и присоединения балтийских государств и Бессарабии в 1939–40 гг. Даже принесший колоссальные потери поход против Финляндии и откровенный отказ со стороны финского населения и его военных поддержать «освобождение от империалистического ига» мало что изменила в этой позиции. См. об этом: *В. Невежин*. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. - М., 1997, особ. С. 67 и др.; *В. Токарев*: Советское общество и польская кампания 1939 г: «романтическое ощущение войны» // *Человек и война. Война как явление культуры*. - М., 2001. С. 399 и др.

¹⁰ Цитируется по: *Б.И. Николаевский*. Тайные страницы истории. - М., 1995. С. 204.

¹¹ Примеры такой риторики можно найти в передовице «Правды»: Беспощадно истребляя фашистское зверье (1942. 3 января).

¹² Текст приказа см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Книга 1: Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. - М., 2000. С. 521–525. Фотокопия решения Политбюро № 35/1 от 26 августа 1941 г. находится в архиве исследовательского центра по истории и культуре немцев в России в университете Гейдельберга. См.: *Archiv Forschungsstelle Deutsche in Russland – AFDiR*, Bestand «Nachlass Wolter», Ordner 2.

¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 38. Цитируется по: *Alfred Eisfeld/Viktor Herdt (Hrsg.): Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956*. - Köln 1996. S. 54f.

¹⁴ См. подробнее о депортации в: *Немцы России*. Энциклопедия. Т. 1 (А–И). М., 1999, с. 696–703; см. также «Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941- февраль 1942 гг.)». - М., 1995. Немецкий перевод важнейших решений и приказов см. в: *Eisfeld/Herdt* (прим. 13), особенно С. 48–133.

¹⁵ *А. Герман*. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. - М., 1996. С. 240–242.

¹⁶ ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации), ф. 9479, оп. 1, д. 372, л. 266–271; Депортации народов (см. прим. 13), с. 171 и др.

¹⁷ В официальных сборниках законодательных постановлений в конечном итоге приказ о разделении автономной республики немцев Поволжья от 7 сентября 1941 г. все же был опубликован, например см.: *Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944*. - М., 1945. С. 80 и др.

-
- ¹⁸ Из истории немцев Казахстана. 1921–1975 гг. Сборник документов. - Алматы, М., 1997. С. 102 и др.
- ¹⁹ См. передовую статью «Семья народов СССР – единый нерушимый лагерь» // Правда. 1941. 29 декабря.
- ²⁰ «О враждебных действиях немцев-переселенцев» // Из истории немцев Казахстана (прим. 18), с. 107-108.
- ²¹ К примеру: Немецкие зверства. - Горький, 1942; А. Резанов. Немецкие зверства. - Петроград, 1915 (два издания).
- ²² Немецкий шпионаж в царской России. Сборник документов. - М., 1942. С. 14, 17; Предисловие опубликовано отдельным изданием, см.: И. Никитинский, П. Софинов. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. - М., 1942. Этот сборник документов, без всякой критической проверки фактов, послужил основанием для дальнейших изданий о немецком шпионаже в России во время Первой и Второй мировой войн: И. Никитинский, П. Софинов. Немецкий шпионаж в царской России. - Саратов, 1942; И. Никитинский. Гитлеровский шпионаж. - М., 1943 и др. Последняя книга вышла тиражом в сотни тысяч экземпляров.
- ²³ А. Деметьев. Реакционная роль немцев в истории России. – Л., 1943; Он же. Русские писатели в борьбе против немецкой реакции и агрессии // Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. - Л., 1944. С. 39–75. За указание на эту литературу я признателен московскому историку Сергею Нелиповичу.
- ²⁴ См.: Carola Tischler: Flucht in die Verfolgung. Deutsche Emigranten im Sowjetischen Exil 1933 bis 1945. Münster und Hamburg 1996. S. 167; Barry McLoughlin/Hans Schafranek/Walter Szevera: Aufbruch, Hoffnung, Endstation. Österreicherinnen und Österreicher in der Sowjetunion 1925–1945. - Wien 1996, bes. S. 562–573; Wolfgang Leonhard: Die Revolution entlässt ihre Kinder. - Köln 1990, S. 195ff.
- ²⁵ «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев, расселенных в Красноярском крае», 25 мая 1943 г. См.: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 133, л. 330–332, 337.
- ²⁶ ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области), ф. 1, оп. 2, д. 32338, том 1, л. 58 (дело на Давида Деринга, Генриха Мецгера и др.).
- ²⁷ А. Герман, А. Курочкин. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). - М., 1998. С. 48.
- ²⁸ Ивдельлаг был организован в августе 1937 г. в Свердловской области в местечке Ивдель (с 1943 г. – город Ивдель) для заготовки леса. К 1 января 1943 г. здесь находились 12.266 принудительно мобилизованных немцев и 16.020 заключенных, год спустя соотношение выглядело как 5.613 к 14.166. Сокращение численности принудительных рабочих было следствием их перемещения, возраставшей смертности и преждевременного освобождения из-за потери сил. В начале января 1945 г. в лагере насчитывалось еще 5.613 немцев, занятых принудительным трудом. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. - М., 1998. С. 106; Герман/Курочкин (прим. 27). С. 167.
- ²⁹ Богословский лагерь (Богословлаг, Базстрой, Богословский ИТЛ) был сооружен в ноябре 1940 г. в Свердловской области в местечке Туринские рудники (позднее Краснотурьинск) для строительства алюминиевого комбината. К 1 января 1943 г. здесь находились 12.683 принудительно мобилизованных немцев и 10.864 заключенных, год спустя соотношение было 8.871 к 12.891. Причиной сокращения «трудармейцев» была высокая смертность в 1943 г. В начале января 1945 г. еще 8.603 немцев прозябали в лагере. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР (прим. 28). С. 172 и др.; Герман/Курочкин (прим. 27). С. 166.
- ³⁰ Н. Бугай (ред.): «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» И. Сталин. Сборник документов (1940-е годы). - М., 1998. С. 52.
- ³¹ Шульга (прим. 8). С. 352.
- ³² Бугай (прим. 30). С. 39–49. Перевод на немецкий язык важнейших приказов см. в: Eisfeld/ Herdt (прим. 13). С. 151–158, 182 и др.
- ³³ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1157, л. 96.
- ³⁴ О судьбе прежде всего женщин, мобилизованных на принудительные работы, см. статью Нины Вашкау «Трудовая армия и спецпоселение. Судьба российских немцев в 1941–1945 гг.» в данном сборнике.

³⁵ ГУЛАГ – Главное управление лагерей – имеет два значения. Первое – учреждение, главное управление, находившееся в Москве. Второе – это система или «Архипелаг Гулаг», как ее обозначил Солженицин. Во втором случае подразумевается советская система лагерей как таковая. Место отбывания наказания официально называлось «исправительно-трудовой лагерь» – ИТЛ. Это название не означало, что в лагере придавалось значение перевоспитанию. В этой статье термин «исправительный лагерь» используется для заключенных, которые отбывали уголовные наказания. Для принудительно мобилизованных без приговора суда используется термин «трудовой лагерь».

³⁶ ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкина. Август 1944 г. // Исторический архив. 1944. № 3. С. 60–86; здесь С. 71.

³⁷ О задачах, организации и полномочиях госбезопасности до и во время войны см.: *А. Кокурин, Н. Петров*. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. Справочник. – М., 1997; *Ralf Stettner*: «Archipel GULag»: Stalins Zwangslager – Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems 1928–1956. – Paderborn u.a., 1996; *Nikita Petrov*: Die Rolle der Organe der Staatssicherheit (OGPU-NKVD) in der UdSSR in den 1930er und 1940er Jahren. In: Dittmar Dahlmann/Gerhard Hirschfeld (Hrsg.): Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation. Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. – Essen, 1999, S. 187–205.

³⁸ Приказ НКВД № 00149 от 7 февраля 1940 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» // *А. Кокурин, Н. Петров*. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. – М., 2000. С. 494–497. При помощи ходового эвфемизма «оперативно-чекистское обслуживание» прикрывалась тайная деятельность органов госбезопасности.

³⁹ Цитируется по: *Герман/Курочкин* (прим. 27). С. 145.

⁴⁰ Подсчитано по: *Герман/Курочкин* (прим. 27). С. 67; ГУЛАГ в годы войны (прим. 36). С. 74 и др. В организованной системе доносительства так называемые резиденты играли важную роль. Это были информанты, как правило – члены партии, которым доверяли органы госбезопасности и которые имели прямой выход на их вышестоящих командиров. Они руководили и координировали деятельность многих осведомителей, готовили «аналитические» отчеты и были для службы безопасности особенно важным информационным источником.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 107, л. 76.

⁴² Там же, л. 80.

⁴³ Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» предусматривает, что следственные дела обвиняемых в совершении политических преступлений должны быть доступны общественности. С тех пор часть этих документов – архивно-следственные дела – были переданы в государственные архивы. Данное исследование основывается на анализе документов предварительного следствия. Информация агентов, т.е. осведомителей и секретных сотрудников, которая собственно и вела к возбуждению уголовного дела, осталась в архивах КГБ в закрытом доступе. Дополнительно существовали еще личные дела заключенных, которые документировали отбывание срока заключения. Эти персональные дела находятся, как правило, в ведомственном архиве Министерства внутренних дел и поэтому, подобно документации осведомителей, практически недоступны общественности. Органы госбезопасности или милиция следили за некоторыми заключенными после их освобождения и заводили на них так называемые наблюдательные дела. В некоторых случаях к ним прилагались документы из следственного дела. Нередко существование таких документов отрицается должностными лицами. Полное личное дело одного из известных западных заключенных с параллельным переводом на немецкий язык тем не менее удалось опубликовать. См.: *Stefan Karner* (Hrsg.): *Geheime Akten des KGB: «Margarita Ottilinger»*. – Graz, 1992.

⁴⁴ *П. Кнышевский*: Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65, здесь С. 55. Определения параграфов 58 и 59 переведены на немецкий и откомментированы. См.: *Wilhelm Gallas* (Hrsg.): Strafgesetzbuch der Russischen Sozialistischen Föderativen Sowjet-Republik vom 22. November 1926 in der am 1. Januar 1952 gultigen Fassung mit Nebengesetzen und Materialien. – Berlin, 1953. S. 16–24.

⁴⁵ *Кокурин/Петров* (прим. 38). С. 128 и др.

⁴⁶ Бакаллаг, располагавшийся недалеко от регионального центра Челябинск на Урале и сооруженный для строительства важнейшего предприятия черной металлургии, был в августе 1942 г. переименован в Челябинсталлургстрой НКВД СССР. Только в феврале, марте и апреле 1942 г. наркомат внутренних дел направил сюда 23.384 немца и превратил эту стройку в огромный лагерный комплекс, который в ходе войны стал самым крупным объектом, на котором были заняты принудительным трудом мобилизованные немцы. См.: ГАРФ. ф. 9414, оп. 1, д. 1172, л. 2.

⁴⁷ *Г. Вольтер*. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. - М., 1998, начиная со стр. 121, прежде всего глава «Между жизнью и смертью», С. 136-177. Это потрясающее собрание свидетельств многочисленных собратьев по мукам автор собрал и опубликовал, опираясь и на собственный опыт пребывания в этом лагере. Собранные им документы и воспоминания находятся в: AFDiR (прим. 12), Bestand «Nachlass Wolter», Ordner 1 und 2.

⁴⁸ AFDiR. Bestand «Arbeitsarmee», Ordner 13: Сообщение Фридриха Шнейдера.

⁴⁹ В ноябре 2000 г. я получил твердый отказ в доступе к фондах Центрального архива ФСБ в Москве по данной тематике.

⁵⁰ Яков Мюллер обладал «подходящим» социальным происхождением и безупречной биографией сельского пролетария и был типичным представителем нового, молодого слоя функционеров сталинистской закалки в республике немцев Поволжья, которые отличались безусловной поддержкой господствующего политического режима. Его политическая и профессиональная карьера практически не отличается от биографий других советских современников, которые с конца 20-х гг. сотнями тысяч поступали в советские учебные заведения и нередко становились активистами. В период прохождения службы в Красной армии они поддерживали действия советского государства, вступали в партию во время или после службы. В годы террора 1937/38 гг. они воспользовались неожиданными возможностями карьерного роста. Губительным для Мюллера оказался только тот факт, что он во время войны с Германией оказался немцем. Родившийся в 1907 г. в деревне Диттель в семье середняка, он работал в возрасте 17 лет грузчиком на мельнице и какое-то время помощником тракториста, затем с 1927 по 1929 г. посещал совпартшколу. Отслужив два года в Красной Армии, он вступил там в 1931 г. в партию. Потом последовала трехлетняя учеба в «кузнице» немецких функционеров – Коммунистической высшей школе сельского хозяйства в г. Энгельс. С 1935 г. он в партийном комитете кантона Краснояр, сначала работая инструктором, затем вторым секретарем, и наконец с 1938 г. до сентября 1941 г. первым секретарем кантонной организации ВКП(б). В ссылке он вместе с некоторыми другими кантональными высшими руководителями очутился в деревне Володаровка, центре Айртавского района, Северо-Казахстанской области. Оттуда он был направлен в январе 1942 г. в лагерь принудительного труда. См.: ОГАЧО (Объединенный Государственный Архив Челябинской Области), ф. р-467, оп. 3, д. 1600, л. 234–235.

⁵¹ Александр Симон родился в 1892 г. в деревне Блюменталь Запорожской области на Украине. Он был беспартийный и окончил только начальную школу. Тот факт, что отец Симона имел собственную мясную лавку, а он сам в 1919 г. служил в «белой» армии, сделало его «интересным» для госбезопасности и позволило оказывать на него давление. Протокол допроса Симона от 7 июня 1942 г. занимает 19 машинописных страниц. См. там же, л. 190–208.

⁵² Дальнейшие цитаты, если не указано особо, взяты из документов пятитомного следственного дела «Якоб Мюллер, Владимир Хартманн, Георг Хааг и др.». См.: ОГАЧО. Ф. R-467, оп. 3, д. 1600, 1602.

⁵³ Теодор Траутвайн был осужден по другому уголовному делу.

⁵⁴ Цитируется дословно по тексту обвинения. См.: ОГАЧО. Ф. R-467, оп. 3, д. 1602, л. 281–308.

⁵⁵ См.: ОГАЧО, ф. R-467, оп. 3, д. 2160–2164 (Дело Теодора Траутвайна, Александра Роота, Ивана Шпиндлера, Петера Мюллера и других 28 обвиняемых), этот процесс попал даже в отчет начальника ГУЛАГа В.Наседкина. См.: ГУЛАГ в годы войны (прим. 36), с. 77.

⁵⁶ Формулировка обвинения см.: ОГАЧО. Ф. R-467, оп. 3, д. 2162, л. 288–318.

⁵⁷ ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, д. 32338, том 1 и 2 (следственное дело Давида Деринга, Генриха Мецгера и др.) . Аресты последовали в ноябре и начале декабря 1943 г. , а уже 19 января 1944 г. главный следователь, старший лейтенант госбезопасности Копылов составил текст обвинения. Возможно, из-за перегруженности работой ОСО при нарклме ВД лишь 17 февраля 1945 г. приговорила обвиняемых к 10 годам заключения в ИТЛ.

⁵⁸ Баухауз – высшая школа строительства и художественного конструирования в Веймаре, позднее в Дессау (*прим. перев.*)

⁵⁹ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 31556 (следственные дела Эриха Борхерта и Гельмута Нолля). Эрих Борхерт [1907–1944] осенью 1929 г. закончил учебу в Баухаузе в Дессау и в феврале 1930 г. выехал в Советский союз. Несколько лет он работал в художественной и скульптурной мастерской треста «Малярстрой» (позднее Госотделстрой). На многочисленных выставках антифашистски настроенных художников он выставлял свои картины и графику. В 1933 г. в помещении Государственного музея современного западного искусства состоялась его персональная выставка. В июне 1938 г. Борхерт получил советское гражданство. До 25 декабря 1941 г. он жил в Москве, а затем был призван в строительный батальон № 671 на строительство алюминиевого завода в Каменск-Уральске. Эрих Борхерт умер 25 сентября 1944 г. в Карлаге (Карагандинский ИТЛ). Военный трибунал Уральского военного округа 6 июля 1962 г. признал выдвинутые против него обвинения необоснованными и полностью его реабилитировал.

⁶⁰ Там же, л. 36.

⁶¹ ГУЛАГ в годы войны (прим. 36). С. 75.

⁶² ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, д. 14092 (дело Фридриха Греца).

⁶³ О Богословлаге см. прим. 29. Последующее описание было реконструировано на основе многотомного следственного дела. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, тома 1, 1а, 2, 3, 4 (дело Александра Гекмана, Генриха Корбмахера, Фридриха Фрицлера и Иоганнеса Майера).

⁶⁴ Заверенные копии соответствующих допросов находятся в деле Генриха Корбмахера. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 2, л. 88–95.

⁶⁵ Там же, л. 85–86.

⁶⁶ ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 208, л. 187–189. Остается невыясненным вопрос, являлся ли статус депутата действительно препятствием для возбуждения дела в 1940-е гг. Тем не менее, Гекман принял участие в 1942 г. в сессии Верховного Совета СССР. Для этой цели его отпустили на несколько дней в Москву из трудового лагеря (!).

⁶⁷ Генрих Корбмахер родился в 1905 г. в деревне Александерге Самарской губернии (после 1918 г. – кантон Мариенталь АССР немцев Поволжья) в семье поденщика. Какое-то время он работал конюхом , а с 1922 по 1929 гг. работал ремонтником на железной дороге. В 1928 г. вступил в партию и три года спустя уже был руководителем отдела Мариентальского, а с 1932 г. Ягодно-Полянского канткома партии. Затем последовала трехлетняя учеба в Высшей партийной школе сельского хозяйства в Энгельсе, которую он окончил в июле 1936 г. После этого он занял пост заместителя директора МТС по политработе в местечке Эжгейм. В сентябре 1937 г. Корбмахер стал первым секретарем Красноярского кантона, а в апреле следующего года – третьим секретарем областного партийного комитета (посты первого и второго секретарей обкома АССР НП с 1938 г. занимали партийные кадры ненемецкой национальности). 4 сентября 1941 г. последовала высылка из г. Энгельса в район Усть-Абакан Красноярского края, где какое-то время Корбмахер работал в колхозе, а с декабря 1941 г. страховым агентом. 19 января 1942 г. Корбмахера исключили из партии на основании обвинения в «присвоении государственного имущества». В конце января 1942 г. он был призван в трудовую армию и отправлен в Богословлаг. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 2, л. 15–16.

⁶⁸ Там же, том 2, конверт.

⁶⁹ Александр Гекман (1908–1994) родился в городе Бальцер Саратовской губернии (после 1918 – кантон Бальцер АССР немцев Поволжья) в семье каменщика. Хотя его мать была верующей, Гекман был убежденным сторонником большевистской идеологии: в 1922 г. он вступил в комсомол и принимал активное участие в создании пионерской организации в кантоне. В 1926 г. он переехал в Саратов и закончил рабфак, после этого поступил в Саратовский институт механизации сельского хозяйства.

Важнейшие рубежи его политической карьеры приходятся на 1929-30 гг., когда он принял участие в коллективизации и раскулачивании в кантоне Франк. Два года он был руководителем комсомольской организации института. В 1930 г. Гекман вступил в коммунистическую партию. В 1934 закончил институт и получил профессию инженера-энергетика, затем работал в наркомате земледелия. В августе 1937 г. Гекман стал народным комиссаром легкой промышленности. Он недолго пробыл в этой должности, и с февраля 1938 г. занял пост второго секретаря областного партийного комитета. Несколькими месяцами спустя, в июне, он был назначен главой Совнаркома республики. С 1938 по 1944 г. Гекман исполнял обязанности депутата Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, и одновременно – заместителя председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. В связи с его «антисоветским» поведением – после объявления о высылке он начал «демонстративно» продавать вещи и одежду на городском рынке в Энгельсе – его исключили из партии. 1 сентября 1941 г. он вынужден был покинуть Энгельс вместе с женой и детьми и после 17-дневной поездки прибыл в город Минусинк Красноярского края. Ему разрешили остаться в городе и некоторое время спустя он уже работал инженером-электриком на городской электростанции. В январе 1942 г. его мобилизовали в лагерь принудительного труда. До июня того же года он находился в Вятлаге НКВД (Кировская область), где был секретарем партийной организации мобилизованных 12 лесозаготовительной бригады. После подтверждения его исключения из партии – в случаях с функционерами его ранга последнее слово было за отделом кадров ЦК ВКП(б) – Гекман был переведен с этой должности. В Вятлаге он испытывал крайнюю материальную нужду. Благодаря положению депутата Верховного Совета он все же смог «через Москву» добиться своего перевода в Базстрой, где он работал главным диспетчером электростанции вплоть до ареста. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 1, л. 22–23; ГАРФ, ф. 7523, оп. 2, д. 444, л. 14; Письмо сына, Эдмунда Гекмана, автору от 22 февраля 2001 г., в: AFDiR, Bestand «Briefwechsel», Ordner 1.

⁷⁰ Если не указано особо, то все последующие сведения взяты из дела Александра Гекмана: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 1.

⁷¹ Вместе с ним обвинялись еще 19 человек, большей частью бывшие функционеры и представители интеллигенции, среди которых были Роберт Грош и Владимир Гергерт. Якоб Вейлерт умер после интенсивного допроса 23 сентября 1945 г. в Свердловской тюрьме. Затем к делу привлекли еще Алоиза Шмидта, журналиста республиканской газеты «Нахрихтен», Ивана Беккера, сотрудника оперотдела милиции кантона Красный Кут в 1931-39 гг., Рудольфа Германа, директора маркштадтского театра драмы, Андреаса Бейля, инструктора мариентальского кантонального партийного комитета, Виктора Мая, главного врача кантона Мариенталь, который изучал медицину в Саратовском университете с 1916 по 1921 гг., Федора (Теодора) Рейха, бухгалтера с Северного Кавказа и др. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, тома 1–6 (следственное дело Адольфа Денинга и др.).

⁷² ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 5, л. 336–353. ОСО при наркомате внутренних дел приговорило 15 декабря 1945 г. всех обвиняемых к наказанию от пяти до десяти лет заключения в ИТЛ.

⁷³ Краслаг НКВД (Красноярский ИТЛ) был создан в феврале 1938 г. в Красноярском регионе рядом с городом Канском, главным образом для проведения лесозаготовок, строительства гидролизного завода и др. предприятий. К 1 января 1943 г. здесь находились 5.346 принудительно мобилизованных немцев и 16.410 заключенных, двумя годами позднее – 4.224 мобилизованных и 12.982 лагерников. См.: Система исправительно-трудовых лагерей (прим. 28). С. 303-304; *Герман/Куручкин* (прим. 27). С. 167. Свое пребывание в Краслаге описал очевидец *А. Гаус*: Мы остались коммунистами // *Neues Leben* (Нойес Лебен), Nr. 15 от 4 апреля 1990.

⁷⁴ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 1, л. 204–210, Копии протоколов допросов Петра Вехтера от 11 апреля и Эдуарда Клингера от 20 апреля 1945 г. По имеющимся материалам, к сожалению, нельзя понять, почему Конрад Гофман, в 1938–1941 гг. Председатель Президиума Верховного Совета республики, не был привлечен к данному делу.

⁷⁵ В апреле 1943 г. из НКВД выделили Народный комиссариат государственной безопасности НКГБ. «Чекистско-оперативное обслуживание» мобилизованных немцев по-прежнему осталось в ведении НКВД. Только в случае подозрения в шпионаже или совершении особо тяжких уголовных или экономических преступлений дело передавалось в НКГБ.

⁷⁶ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 2 (конверт).

⁷⁷ Там же, т. 1, л. 96–118, 138–148.

⁷⁸ Гуго Гупперт [Hugo Huppert] (1902–1982), родился в Билиц (Силезия), ныне Бельско-Бяло, Польша, умер в Вене, поэт-лирик, прозаик, литературный критик и переводчик. Верный линии партии литературный деятель долгое время жил и работал в СССР, о чем он подробно пишет в своих воспоминаниях. На службе Политуправления Народного комиссариата обороны он благополучно пережил войну, не испытывая никаких материальных или прочих затруднений. См.: *Hugo Huppert: Schach dem Doppelgänger*. Leipzig 1979; *McLoughlin/Schafraanck/Szevera* (прим. 24), особ. С. 570 и последующие.

⁷⁹ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 1, л. 244.

⁸⁰ Это повторное следствие подробно документировано в: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 1а, л. 1–161.

⁸¹ Там же, л. 184–187.

⁸² 12 марта 1959 г. Президиум Свердловского областного суда полностью отменил приговор Генриху Корбмахеру, Александру Гекману, Фридриху Фрицлеру и Иоганнесу Майеру и полностью оправдал их. После освобождения из заключения в 1948 г. Гекман работал сначала инженером-энергетиком на спичечной фабрике на Алтае, а с 1957 г. стал сотрудником проектного института в Батуми. В этом городе он жил вплоть до своей смерти в 1994 г. Судя по всему Майер работал в 60-е гг. плотником, позднее служащим промыслового кооператива в Красноярском крае. Корбмахер руководил к моменту реабилитации полевой бригадой в одном из совхозов Ульяновской области. О дальнейшей судьбе обоих ничего не известно. После отбывания наказания Фрицлер осел в 1949 г в городке Каскелен, недалеко от столицы Казахстана Алма-Аты, где зарабатывал на жизнь, работая печным мастером и столяром. Как один из немногих известных функционеров республики немцев Поволжья, он летом 1965 г. вошел в состав второй делегации немцев в СССР, которая требовала восстановления территориальной автономии. Умер в 1986 г. См.: История российских немцев в документах. Том II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности 1965–1992 гг. - М., 1994. С. 21-22; *О. Седых*. Судьба наркома // Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1993 гг. - Красноярск, 1993. С. 93-95; ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 28234, том 4, л. 210–217, 296–298; Письмо Эдмунда Гекмана автору от 31 августа 2000 г. // AFDiR. Bestand Briefwechsel, Ordner 1.

⁸³ Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 1. Документальные источники. М., 1992, с. 76–80. Опубликовано на немецком в: *Eisfeld/Herdt* (прим. 13). С. 264–267.

⁸⁴ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 372, л. 314–315. Понятно, что российские немцы не могли вернуться в места, где они проживали до 1941 г.

⁸⁵ *Депортации народов СССР* (прим. 83). С. 18-20; *Eisfeld/Herdt* (прим. 13). С. 307–308. Депортированные народы, упоминавшиеся в указе, были чеченцы, карачаевцы, немцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, а также греки, турки, иранцы, курды и хемшилы из Закавказья, армяне, греки и болгары из Крыма.

⁸⁶ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 1, л. 282–289 (следственное дело Адольфа Денинга и др.). До середины 50-х гг. было обычной практикой поручать проверку жалоб и просьб приговоренных следователям, которые ранее вели их дела.

⁸⁷ Подробная документация первого периода реабилитации после смерти Сталина см. в: Новый курс Л.П. Берия. 1953 // Исторический архив. 1996. № 4. С. 133–164; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. - М., 2000.

⁸⁸ Новый курс Л.П.Берия (прим. 87). С. 153–156.

⁸⁹ Реабилитация: как это было (прим. 87). С. 158-159. Взрослые должны были отныне отмечаться лишь один раз в год и могли менять место жительства в границах одной административной единицы (область, край). Далее были упразднены денежные штрафы и аресты за нарушение порядка спецпоселения.

⁹⁰ *В. Земсков*. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960-е гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.

⁹¹ Реабилитация: как это было (прим. 87). С. 37-38. Правда это обращение тогда осталось без последствий. Первая национальная группа была освобождена от спецнадзора в ноябре 1955 г. и это были высланные из Грузии греки. См.: там же, с. 286.

⁹² Восстановление автономных областей и республик чеченцев, калмыков, балкарцев, карачаевцев и ингушей в январе и феврале 1957 г. привело к официальной отмене обвинения в предательстве, принесло

ограниченное материальное вознаграждение представителям этих народов и обусловило определенное возрождение экономической и культурной инфраструктуры на упомянутых территориях. В целом эти мероприятия создали достаточные предпосылки для далеко идущей интеграции этих народов в советское общество. См.: Реабилитация народов и граждан в 1954–1994 годы. Сборник документов. - М., 1994.

⁹³ *Eisfeld/Herdt* (прим. 13). С. 454-455.

⁹⁴ Реабилитация: как это было (прим. 87). С. 70–74. С 1934 по 1953 годы ОСО осудило 442.531 человек, которые обвинялись в большинстве своем в «контрреволюционной» деятельности.

⁹⁵ Эта центральная комиссия была образована по указанию Президиума ЦК КПСС 4 мая 1954 г. Ей подчинялись на уровне республик и областей местные комиссии, которые проверяли конкретные следственные дела. В случае приговора ОСО окончательное решение принимала Центральная Комиссия. См.: там же. С. 116-117.

⁹⁶ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 5, л. 449–452 (следственное дело А. Денинга и др.). Главный фигурант этого «заговора» Адольф Денинг именовался в обосновании «главарем», чье «преступление» полностью подтверждалось документами следственного дела. Денинг умер 13 ноября 1946 г. в Севвостоклаге.

⁹⁷ Реабилитация: как это было (прим. 87). С. 213.

⁹⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. - М., 1993. С. 72.

⁹⁹ Письмо было написано 13 июня 1955 г., еще до секретного доклада Хрущева на XX съезде партии в 1956 г. Трудно однозначно сказать, отражало ли оно его истинные чувства или было написано только с холодным расчетом. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 6, л. 4–9.

¹⁰⁰ Процесс реабилитации занимает целый более чем 400-листный том. См.: ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 6.

¹⁰¹ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 6, л. 10. Тимофей Борщев (1901–1956), генерал-лейтенант с июля 1945 г., начальник Свердловского областного управления НКВД и НКГБ с 1941 по 1948 гг. Был уволен с занимаемой должности из-за махинаций во время денежной реформы в марте 1948 г. В период осторожной десталинизации его лишили звания генерала, так как во время службы в «органах дискредитировал себя», так звучало обоснование. В январе 1956 г. он был арестован и расстрелян три месяца спустя. См.: *Н. Петров, К. Скоркин. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник.* - М., 1999. С. 114-115.

¹⁰² ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 17207, том 6, л. 221–230 (допрос Юрия Мавричева от 3 апреля 1956 г).

¹⁰³ Там же, л. 402–404. Большая часть их к этому времени уже работали в сфере народного хозяйства или управления. Георгий Усманов, который наиболее жестоко обращался с подследственными, в 1956 г. возглавлял отдел снабжения одного из предприятий Свердловска. Другие, напротив, продолжили свою карьеру в «органах», как подполковник Тетенко, который в 1956 г. руководил следственным отделом КГБ в Киргизии.

¹⁰⁴ Там же, л. 397–401.

¹⁰⁵ Реабилитация: как это было (прим. 87). С. 254 и др. Эта противозаконная практика существовала вплоть до начала 60-х гг. Согласно предложению № 3265 председателя КГБ Владимира Семичастного от 26 декабря 1962 г. инстанции должны были информировать родственников о фактических обстоятельствах смерти соответствующих людей и при регистрации смерти в ЗАГСе вносить в свидетельство о смерти дату расстрела, правда не упоминая причину смерти. Выданные до этого фальсифицированные свидетельства обмену не подлежали. См. на немецком в: *Irina Scherbakowa: Nur ein Wunder konnte uns retten. Leben und Überleben unter Stalins Terror.* - Frankfurt/M. 2000. С. 68-69.

¹⁰⁶ *В. Кудрявцев, А. Трусов. Политическая юстиция в СССР.* - М., 2000. С. 327-328.

¹⁰⁷ ОГАЧО, ф. р-467, оп. 3, д. 2163, л. 5. Письмо Петра Мюллера было написано 4 января 1956 г. Он получил ответ со ссылкой на Указ Президиума Верховного совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». См.: Реабилитация: как это было (прим. 87). С. 260 и др.

¹⁰⁸ ОГАЧО, ф. р-467, оп. 3, д. 2160, л. 308–314 (следственное дело Т. Траутвейна, А. Роота, И. Шпиндлера, П. Мюллера и еще 28 человек).

¹⁰⁹ Вдова Ивана (Иоганна) Шпиндлера, также расстрелянного 26 февраля 1943 г., которая в мае 1961 г. направила в соответствующие органы запрос о судьбе ее мужа, получила такой же ответ. Согласно сведениям, полученным от Челябинского областного управления госбезопасности, он умер 26 февраля 1945 г. Лишь в марте 1990 г. ей на повторный запрос сообщил офицер КГБ фактическую причину смерти ее мужа и дату смерти, даже не извинившись за предыдущий обман своего ведомства.

¹¹⁰ См.: *Verfassung (Grundgesetz) der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken mit den vom Obersten Sowjet der UdSSR auf Grund des Berichts der Redaktionskommission am 25. Februar 1947 beschlossenen Abänderungen und Ergänzungen.* - Berlin (Ost) 1947; Запрос депутата Верховного Совета СССР А. Бергера о правовых обстоятельствах роспуска АССР немцев Поволжья был внесен в 1989 г. См.: *История российских немцев в документах. 1763–1992 гг.* - М., 1993. С. 271.

¹¹¹ По следственным делам, упоминающимся в данной статье, решение ОСО от 14 октября 1942 г. в отношении Якова Мюллера, Владимира Гартмана, Георга Гаага, всего 19 человек, мобилизованных на работы в Челябметаллургстрой, было отменено 15 марта 1960 г. Реабилитация Генриха Мецкера, Давида Деринга и других состоялась 12 декабря 1963 г.

¹¹² Текст указа в: *История российских немцев* (прим. 110). С. 178-179. На немецком опубликован в: *Eisfeld/Herd* (прим. 13). С. 461-462.